

Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

Дягилева Ирина Борисовна

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ

(контекстуальный анализ)

Специальность 10.02.01. – «Русский язык»

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель –

Доктор филологических наук

Профессор А. И. Моисеев

Санкт-Петербург

2002

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Теоретические основы исследования.	
1.1. Частицы речи. Частицы. Вопросительные частицы.....	11
1.1.1. Частицы речи и частицы.....	11
1.1.2. Представление частиц в словарях.....	13
1.1.3. Семантика и функции частиц	28
1.1.4. Классификации частиц	32
1.1.5. Вопросительные частицы.....	52
1.2. Контекст как сфера функционирования языковых единиц.....	59
1.2.1. Контекст как лингвистическое явление	51
1.2.2. Функционирование языковых единиц в контексте.....	64
1.2.3. Частицы и контекст.....	66
1.3. Типология вопросительных предложений	69
Выводы.....	77
Глава II. Вопросительные частицы и контекст.	
2. 1. Контекстная среда частиц	79
2.2. Частица ли	82
2.3. Частица не...ли	102
2.4. Частицы разве и неужели	111
2.5. Частица или	123

2.6.	Частица	что	за	
			129
2.7.	Разговорные	частицы	а, да, как,	что
			139
Выводы			144
Заключение			149
Приложение 1			151
Приложение 2			152
Библиография			158
Список источников			173
Список словарей			174

ВВЕДЕНИЕ.

Изучение семантической системы языка, ее функционирования является одним из важных направлений современного языкознания. В процессе развития идей и методов произошло переключение внимания исследователей с внутренних отношений и закономерностей языка как системы на его актуальное функционирование в общественной коммуникации. Главным стало то, как языковые единицы, соединяясь, создают целостный смысл, являющийся не простой суммой значений этих единиц, а их интеграцией. Это привело к появлению новых теоретических направлений, ориентированных на описание языка как деятельности (когнитивная лингвистика, лингвистика текста, лингвистическая прагматика), а сфера интересов лингвистов чрезвычайно расширилась, в частности, наравне с модальными словами в нее вошли частицы – слова «обладающие способностью выразить минимальной ценой весь комплекс прагматических значений». (Т. М. Николаева, 1985, с.7).

1. Актуальность темы.

Частицы «создают эмоциональную атмосферу разговора, так как они выражают мнения, предположения и позиции говорящего и специфическим образом включают слушающего в разговор» (R.Rathmaur, с.236). Речь, в которой отсутствуют частицы, воспринимается как сухая и неестественная, правильное же и свободное употребление частиц является важным показателем знания языка, свидетельством его совершенного владения.

По данным «Обратного словаря» в состав русского языка входит 149 частиц. Это на 121 больше, чем, например, в немецком языке, определяемом как «язык частиц» (Т. М. Николаева, 1985, с. 8). По

данным же частотных словарей частицы (и, же, то, так, вот, только, уже, еще, ли, разве), как союзы и предлоги, являются самыми употребляемыми словами русского языка, и в то же время, описание частиц остается наиболее трудной задачей для лингвистов.

С начала 70-х годов появилось значительное количество исследований, в которых вырабатывались критерии, позволяющие отделить частицы от других классов слов (Д.Н.Светлышев, О. М.Ким, Н. Н. Скрипникова); проводился сопоставительный анализ с частицами других славянских языков (И.А. Киселев, Е.Н.Бакова); были сделаны важные наблюдения над семантикой частиц, их функционированием (И. М. Богуславский, Т.М. Николаева, Е.Г.Борисова). Однако остался нерешенным ряд важнейших теоретических и практических вопросов: дискуссии по вопросу о том, каким значением обладают частицы (лексическим или грамматическим) продолжаются и в настоящее время; нет единства в описании слов-частиц в лексикографической практике и в их классификациях; ведется поиск оптимальных способов описания частиц, релевантно отражающих абстрактность их семантики.

Предметом многих диссертаций стал анализ отдельных групп частиц (Е.Г. Борисова, И. А. Киселев, Е. А. Стародумова) и описание конкретных слов-частиц (Т.П. Вязовик, Т. К. Иванова, Г.Е.Щербань), при этом особое внимание привлекли частицы даже (7 дис.), же (7 дис.), ведь (5 дис.), только (4 дис.), вот (4 дис.), то (4дис.). Вопросительные частицы (наряду с частицами вряд ли, едва ли, чуть ли не, едва ли не) рассматривались рядом авторов как субъективно-модальные (К. Э. Штайн, Л. И. Степенкова). Показательна деталь, что предметом анализа в диссертационном исследовании К. Э. Штайн была частица ли, которую Л.И.Степенкова не включала в группу субъективно-модальных

частиц, а частицы не...ли, уж не...ли, ли не, или, выделяемые Л.И. Степенковой, не анализировались в работе К.Э. Штайн. В статьях И. А. Киселева (Киселев, 1976, с.85-97), И.П.Распопова (Распопов, 1955, с.28-41), И.П. Святогора (Святогор, 1976, с.58-67)¹ вопросительные частицы: разве, неужели, ли, или, да, что, как, а рассматривались как самостоятельная группа слов, указывающих на вопросительный характер высказывания, описывались их некоторые модальные значения, однако особенности функционирования вопросительных частиц исследованы далеко не полностью.

Актуальным представляется уточнение списка вопросительных частиц, проведение их детального изучения, определение их роли в актуализации значений вопросительных предложений. Это позволит в частности решить ряд проблем обучения этому классу слов в курсе русского языка как иностранного, так как без овладения вопросительными частицами затруднительно общение не только на продвинутом, но и на более раннем этапе изучения неродного языка.

В настоящий период многих исследователей объединяет понимание того, что описание семантики частицы должно включать в себя выявление и формулирование инвариантного значения и связанных с ним частных значений. Это становится возможным только при анализе сложных смысловых переходов, проходящих через все употребления описываемого слова. Не вызывает сомнения, что вне контекста семантика большинства частиц неопределенна, «размыта»: их значения плавно переходят из одного в другое; что они способны «формировать скрытое, «теневое» высказывание, различным образом соотносящееся с исходным, куда частица вводится непосредственно» (Т.М.Николаева, 1982, с. 54).

¹ В последнее десятилетие особый интерес вызвали у исследователей частицы *разве* и *неужели* (см. А. Н. Баранов, В. А. Белошапкова, Т. В. Булыгина, А. Д. Щмелев.)

Частицы получают более конкретную семантику только в контексте: контекст позволяет более содержательно интерпретировать описываемые единицы, выявляет конкретное значение абстрактного слова. При изучении частиц представляется логичным обращение к методу контекстуального анализа, который дает возможность исследовать взаимодействие семантики частиц и контекста (минимального и максимального): составить типологии контекстов, участвующих в конкретизации значения частиц, и в соответствии с ней, представить свод основных употреблений описываемых слов. Таким образом, актуальность темы диссертационного исследования определяется, с одной стороны, значимостью коммуникативной роли частиц и, с другой стороны, не изученностью общей проблемы взаимодействия частиц и контекстов их употребления.

2. Объект исследования – частицы в контекстах их употребления.

3. Предмет исследования – вопросительные частицы современного русского языка: а, да, или, как, ли, не ... ли, неужели, разве, что, что за.

4. Цель и задачи исследования.

Цель исследования – выявить и охарактеризовать связь и соотношение семантики вопросительных частиц с ближним и дальним контекстом.

Поставленная цель требует решения следующих задач:

- 1) проанализировать представление семантики вопросительных частиц в лингвистических исследованиях и словарях;
- 2) обосновать критерии выделения вопросительных частиц;
- 3) определить функционально-семантические типы предложений, включающих вопросительные частицы;
- 4) представить типологию контекстов, участвующих в конкретизации значений частиц.

5. Методы исследования.

Основные методы исследования – метод лингвистического наблюдения, описания и сопоставления, метод контекстуального анализа и экспериментальной трансформации, метод семантической интерпретации смысла высказывания.

6. Научная новизна.

В исследовании обоснованы критерии выделения вопросительных частиц; рассмотрены особенности поведения вопросительных частиц в контексте; определены типовые минимальные и максимальные контексты для групп частиц и для отдельных частиц.

7. Теоретическая и практическая значимость работы.

В диссертации опробован новый подход к изучению частиц, состоящий в разработке типологии контекстов, в которых употребляются частицы (на примере вопросительных частиц). Материал исследования может быть использован при дальнейшем изучении и описании служебной лексики русского языка. Результаты работы могут найти применение в лекционных курсах по морфологии, синтаксису и стилистике, в теории и практике обучения русскому языку как иностранному.

8. Апробация работы.

Основные положения и результаты исследования отражены в сообщениях, предложенных на XXIX, XXX межвузовских научно-методических конференциях преподавателей и аспирантов Санкт-Петербургского государственного университета, на Всероссийской конференции «Русский язык на рубеже веков», на аспирантском семинаре «Русский язык как иностранный и методика его преподавания». По теме диссертации опубликовано 4 статьи.

9. Источники материала.

Источниками для исследования послужили художественные произведения русской литературы, современная пресса («Аргументы и факты», «Комсомольская правда» и некоторые другие периодические издания), записи разговорной речи (издание РАН), а в качестве справочных изданий - словари русского языка.

10. Материал исследования.

В материале представлены включенные в контекст вопросительные частицы современного русского языка: а, да, или, как, ли, не ... ли, неужели, разве, что, что за. Материал составил 2000 единиц анализа. В работе не рассматриваются близкие по функциям к вопросительным частицам слова и сочетания: ну что если, как же не, правда, а вдруг, а ну как и другие (более подробно см. п.1.1.5.).

11. Структура и содержание работы.

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, списка источников и двух приложений.

Во введении обосновывается актуальность предпринятого исследования, определяются его цель, задачи, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе – Теоретические основы исследования – рассматриваются следующие вопросы:

1. Частицы, их значения, функции и классификации;
2. Контекст, его сущность и виды;
3. Вопросительные предложения: функционально-семантические типы.

Во второй главе – Вопросительные частицы и контекст - представлено описание вопросительных частиц, а также предложена типология контекстов, участвующих в конкретизации значения выбранных для анализа частиц.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

§1. Частицы речи. Частицы. Вопросительные частицы.

1.1.1. Частицы речи и частицы.

Части речи как лексико-грамматические классы слов выделяются на основании общности их морфологических, семантических и синтаксических свойств. Традиционно в русском языке части речи делятся на знаменательные (имя существительное, глагол, имя прилагательное, наречие, имя числительное, местоимение), служебные (союз, предлог, частицы), а также междометия. Исторически процесс осмысления и выделения частей речи шел постепенно, и его нельзя считать завершенным. «В современном состоянии любого языка удастся проследить пути пополнения отдельных частей речи новым составом и даже, возможно, пути становления прежде не обособлявшейся группировки слов» (Мещанинов, с. 200). Это положение акад. И. И. Мещанинова находит свое подтверждение в становлении частиц как самостоятельной части речи.

Впервые термин частица речи для обозначения служебных слов предложил Н. И. Греч в «Практической русской грамматике». В работах А. А. Потебни, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова, А.М.Пешковского, Л. В. Щербы и др. разрабатывались принципы и критерии распределения слов по частям речи, описывались их семантические и синтаксические функции, развивались идеи разграничения и противопоставления знаменательных и служебных слов.

В формально-грамматической системе Ф. Ф. Фортунатова, кроме грамматических классов полных слов, рассматриваются «частичные отдельные слова» четырех типов:

- 1) соединительные слова – предлог, связка, союз;
- 2) усилительные слова, выделяющие говорящим предмет мысли из числа других (например, я-то);

- 3) частичные слова, обозначающие отрицание и вопрос (например, не, ли);
- 4) частичные слова, обозначающие известное отношение говорящего к данному предложению (например, а) конечно, да, нет б) мол).

А. М. Пешковский определял частичные слова как не имеющие самостоятельного значения, вносящие какой-либо оттенок в значения других слов и словосочетаний. Частичные слова он подразделял на восемь разрядов. В отличие от системы Ф. Ф. Фортунатова предлоги, союзы и связки были записаны в разные разряды, также как отрицательные и вопросительные слова. Особый разряд составили повелительные слова пусть, да. К вопросительным словам были отнесены слова – ли, разве, ужели, неужели.

А. А. Шахматов выделил частицы в самостоятельную часть речи: «Частица означает ту служебную часть речи, которая включает в себя слова, усиливающие или оттеняющие в том или ином отношении грамматические формы или предикат» (Шахматов, с. 506). Он разделил частицы по формальному признаку на постпозитивные (-ка, же) и препозитивные (ну, и). Слова ли, или, разве, ведь, же, мол, бы включались в разряд союзов.

Сложившееся в современной лингвистике понимание противопоставления знаменательных/служебных слов и далее - частиц/ предлогов/союзов представлено в Русской грамматике (1980). Знаменательные слова характеризуются как слова лексически самостоятельные, называющие предметы и признаки или указывающие на них, способные функционировать в качестве членов предложения. Им противостоят служебные слова, служащие для выражения различных синтаксических отношений (предлоги и союзы), а также для выражения синтаксических и модальных

значений предложения (частицы). (Русская грамматика, 1980.Т.1, с.457).

В отличие от предлогов и союзов, соединяющих слова или группу слов в синтагму или синтаксическое целое высшего порядка, частицы «аранжируют предложения, превращая их из изолированных высказываний в компоненты текста» (Ляпина, с.9). По традиции к разряду частиц присоединяют неизменяемые компоненты, участвующие в выражении отдельных морфологических категорий: бы, да, давай, кое- , -то, -нибудь, -либо. Они входят в состав слова (кто-то, кто-нибудь, кое-кто) или присоединяются к нему (да будет, спел бы). Так как для абсолютного большинства частиц характерно выражение субъективно-модальных отношений, то такое включение вышеперечисленных слов в разряд частиц, по мнению А. Мировича, А. Д. Светлышева, С. И. Богданова и др., не является закономерным и может рассматриваться в других разделах грамматики.

1.1.2. Представление частиц в словарях.

Словари составляют «необходимую часть полного теоретического описания слова» (Апресян, 1974, с.3) В словарной статье выделяются и классифицируются значения слова, отмечается его употребление в речи, дается стилистическая характеристика слова, грамматический и фонетический комментарий к нему. Таким образом, в словаре обобщаются современные лингвистические знания, что позволяет делать выводы о состоянии изученности отдельных теоретических вопросов.

В описаниях частиц в словарях наблюдаются разного рода расхождения. Так, по нашим подсчетам в Словаре современного русского литературного языка (ССРЛЯ) помещается 123 частицы, в Словаре русского языка (СРЯ) – 101, в Толковом словаре под

редакцией Д. Н. Ушакова (СУ) – 82, в Словаре С.И.Ожегова (СО) – 75. Из них только 43 частицы описаны во всех словарях, а 64 частицы встречаются только в каком-либо одном из них.² Эти цифры показывают, что состав слов, относимых к частицам, еще не полностью определен,³ и, по нашему мнению, это обусловлено следующими причинами:

1. Частицы способны образовывать комплексы (да ну, да что за, ну что если, а ну как, ну вот и, так уж, чуть ли не и т. п.), что ставит перед исследователями вопрос: считать ли их сложными частицами или комбинацией частиц.
2. Не прекращается процесс перехода знаменательных и служебных слов в частицы, многие слова можно охарактеризовать как гибридные: так, слово разве в ССРЛЯ определено как частица, в СО – как частица и союз, а в СУ – как наречие, частица и союз.

В некоторых случаях, наряду с названиями частей речи, в словарях встречаются указания на то, что описываемое слово употребляется «в значении союза», «в значении частицы», «в значении вводного слова» и т.п. Использование таких помет в словарях показывает, что некоторые слова «трудно отнести к какой-нибудь из традиционных частей речи», что для их обозначения «нет общепринятого термина» (СУ, т.1, с.ХХIII). И особенно часто подобные указания встречаются при описании частиц: разве в одном из своих употреблений имеет помету «в значении условно-противительного союза» (Если не получу особенного повеления, верно я не тронусь с места. Разве выгонят меня отец и мать. ССРЛЯ), слово даже - «в значении

² Нами были использованы материалы картотеки служебных слов и их эквивалентов, помещенные в учебном пособии «Морфология неполнозначных слов в современном русском языке» С. И. Богданова.

³ Аналогичный вывод можно сделать, если проанализировать имеющиеся учебные пособия по современному русскому языку.

присоединительного союза» (Он страшно устал, даже есть не мог. СУ)

Как справедливо отмечает Г. А. Жевако (С.65), производные частицы описаны в словарях менее полно, чем непроизводные, и это, в частности, проявляется в том, что в одной статье объединяются слова разных классов (см. как: наречие, частица, союз. СО, с.255).

В толковых словарях значение частиц раскрывается тройным образом:

1. Описываются их модальные значения: например, частица а «выражает решимость с оттенком отчаяния или досады» (А, была не была, пойду! СУ);
2. Определяются их функции: например, частица как в одном из своих употреблений «обозначает, что собеседник, недостаточно ясно поняв, недослышав только что сказанное, переспрашивает сказавшего» (- Чацкий произвел всю эту кутерьму. – Как? Чацкого кто свел в тюрьму? А. С. Грибоедов, ССРЛЯ);
3. Приводятся их синонимы: например, частица неужели описана с помощью синонимов «Разве?», «Возможно ли?» (Неужели он согласился? СО).

Следует при этом отметить, что разные частицы описаны в словарях с помощью одних и тех же слов: «акцентирование», «подчеркивание», «усиление» (даже, же, только и т. д.), а близкие по значению частицы в некоторых случаях получают одинаковое толкование (именно, как раз; разве, неужели; и др.) Толковые словари расходятся и в количестве выделяемых значений: например,

в ССРЛЯ выделяется четыре значения вопросительной частицы а, в СО – два значения, в СРЯ – три значения, а в СУ – одно значение.

Отмеченные выше расхождения, позволяют сделать вывод о том, что целый ряд теоретических вопросов, связанных с частичной проблематикой, остается нерешенным, и, следовательно, надо искать иные способы представления семантики служебных слов.

В настоящее время сложились два перспективных направления, разрабатывающих нетрадиционные принципы описания служебных слов. Одно из них связано с работами Московской семантической школы, возглавляемой Ю. Д. Апресяном. Представители этой школы впервые четко заявили, что «многие слова могут быть описаны семантически только в составе выражений, больших по объему, т. е. словосочетаний или предложений» (Кобозева, 2000, с.117), что надо «описывать, строго говоря, не значение отдельно взятого слова», а «значение определенного класса предложений с этим словом» (Там же, с.116).

Представители Московской семантической школы Г.Е. Крейдлин и А.К.Поливанова предложили унифицировать лексикографическое описание служебных слов (1987, с. 106) и показали на примере частицы и вводного слова возможности метода интерпретационной семантики. Авторы отметили, что результаты анализа могут быть распространены и на другие служебные слова (к служебным словам они относят все неизменяемые слова, включая наречия).

По мнению Г. Е. Крейдлина и А. К. Поливановой, единая для всех служебных слов схема словарной статьи обеспечивает стандартизацию лексикографического описания. Эта схема достаточно свободна и определяет лишь границы между разными типами приписываемой слову информации. В схему входит восемь зон описания:

1. Имя вокабулы;
2. Толкование;
3. Валентная структура слова;
4. «Проверка»;
5. Правила употребления слова;
6. Парадигматические связи;
7. Иллюстрации;
8. Близкие по функциям словосочетания.

Первая зона включает в себя имя вокабулы и примыкающие сведения: информацию о семантико-грамматическом разряде слова, сведения о наличии фонетико-морфологических вариантов, простейшие сведения о пунктуации.

Вторая зона обозначена как толкование. Толкование представлено одной из перифраз языковой единицы и «выполняет следующие функции:

- объясняет значение данной языковой единицы;
- служит основой для установления ее места в семантической системе языка;
- является семантическим правилом, применяемым при переходе от синтаксического представления высказывания к его поверхностно-семантическим представлениям, и наоборот;
- служит основой для правил семантического взаимодействия данной единицы с другими единицами в составе высказывания» (Апресян⁴, 1994, с.274).

Например, для частицы даже предлагается следующее толкование (Здесь и далее латинские буквы обозначают математические переменные):

⁴ Подробнее см. статью Ю. Д. Апресяна «Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия».

1. Даже Петя опоздал на доклад = «Петя опоздал на доклад (Р), какая-то группа людей (М) опоздала на доклад, Петя (Х) выделен из этой группы как человек, для которого опоздание на доклад менее вероятно, чем для остальных».
2. Петя даже танцевал = «Петя танцевал; Петя делал еще что-то /напр., произносил тосты, пел.../; танцевать для Пети менее вероятно, чем другие действия, которые он мог бы совершить /произносить тосты, петь.../».

В третьей зоне дается валентная структура слова, т. е. указываются обязательные смысловые связи (семантические и синтаксические валентности) и ограничения на способы их заполнения. Для частицы даже авторы предлагают выделить следующие смысловые связи:

1. объект: «выделяемый объект» (Х);
2. класс «ассоциированное множество объектов» (М);
3. утверждение «что утверждается об объекте» (Р). Ср.: Фашисты даже пытали Костю; здесь объект – действие пытаться, класс – множество действий, ассоциированных с пытаться по признаку «насильственные действия» /=требования, угрозы, .../, утверждение – пытку производили фашисты над Костей.

Четвертая зона условно названа «Проверка»: для ряда служебных слов представляется возможным сформулировать текст, позволяющий проверить семантическую и/или синтаксическую допустимость их употребления в том или ином контексте. Например, предложения с даже должны допускать продолжения, проясняющие класс М; Даже Петя не пошел в школу /тем более Миша / а уже Миша и давно/.

Пятая зона включает в себя правила употребления слова, обеспечивающие как правильное понимание предложений с данным словом, так и правильное построение наиболее характерных для

данного слова конструкций. Каждое правило иллюстрируется положительными и отрицательными примерами. Одно из правил для частицы даже запрещает ее употребление, если нарушены требования к объекту и классу, а именно – не должна быть задана единственность объекта: *Даже Миша – мой отец (для объекта «отец» задана единственность).

Шестая зона, парадигматические связи, вводится условным названием «Ср.». В ней указываются – выборочно – служебные слова и словосочетания, системно связанные с данным (в частности, неточные синонимы и антонимы).

Иллюстрации представлены в седьмой зоне.

Восьмая зона отделяется символом «ромб». В ней приводятся словосочетания, по функциям или значению приближающиеся к отдельным служебным словам и содержащие описываемое в данной статье слово.

Таким образом, представители Московской семантической школы стремятся определить значения простейших языковых единиц и «на основе каких буквальным образом применимых правил из них складывается смысл целых высказываний» (Апресян, 1999, с.40), хотя такому анализу, по-видимому, поддаются прежде всего логические частицы: даже, только, именно, как раз, которые и были описаны в рамках данного направления.

Иной подход к описанию служебной лексики был предложен учеными, разрабатывающими контекстуально-семантическую теорию А. Кюльоли.⁵ Примером описания такого типа можно считать «Путеводитель по дискурсивным словам русского языка» (Баранов, 1993) и «Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстуально-семантического описания» (1998). В понятие дискурсивных слов

⁵ А. Кюльоли – известный французский лингвист, создатель собственной теоретической школы.

входят не только частицы, но также модальные и вводные слова. В отличие от традиционного словаря в «Путеводителе» нет каталога употребления слова, своей главной задачей авторы (А. Н. Баранов, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина и др.) считают определение динамики функционирования слова: «те внутренние пружины, которые определяют особенности употребления единицы в самых разных контекстах – как включенных в описание, так и отсутствующих в нем» (Баранов, 1993, с.10).

Вслед за сторонниками подхода школы Кюльоли, авторы постулируют единство значения и формы: «носитель языка способен воспринимать каждую дискурсивную единицу как единое целое (возможно, подвергающееся каким-то отдельным контекстным модификациям)» (С.11). Значения дискурсивных единиц по своей сути процедурны: служебная лексика, с одной стороны, регулирует распределение семантической информации внутри плана содержания (пропозиция, пресуппозиция, следствия, установка и проч.), с другой стороны, определяет последовательность прочтения речевого высказывания адресатом. Таким образом, по выводам авторов путеводителя, значения дискурсивных единиц оказывается более естественным рассматривать как комплекс операций (процедур) над планом содержания высказывания/текста.

Словарная статья в «Путеводителе по дискурсивным словам русского языка», как и в книге «Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстуально-семантического описания», включает обычно шесть основных зон, но обозначения этих зон различаются, при этом они соотносимы функционально: ср.

1. Заглавное слово и его своеобразная метафорическая интерпретация (Пут.) – Заголовок и для некоторых слов Эпиграф (Диск.);

2. Источники – Мир слова, Истоки;
3. Операция – Сценарий-схема;
4. Общие (частные) семантические эффекты - Грани
5. Модификации (операции) - Деформации;
6. Корпус примеров – Примеры размещаются в четвертой и пятой зонах, а заключать словарную статью могут «нестандартные» употребления описываемые слова – Особые употребления.

В зоне «заглавное слово» («заголовок») помещено само толкуемое выражение и своеобразная метафорическая интерпретация значения, дающая самое общее представление о семантике лексической единицы, т. е. своеобразный символ ее употреблений, например: «Едва, или неблагоприятные обстоятельства», «Неужели, или Фома неверующий», «Авось, или на Бога надейся и ... можешь плошать», «Наверное, или принять на веру».

Зона «Мир слова» представлена в «Дискурсивных словах...» и включает в себя обобщение «фоновых знаний» о слове: сферу употребления слова, стилистические особенности, трактовку слова в словарях, грамматиках, в имеющихся лингвистических исследованиях.

Зона «источники» («истоки») выделяется в тех случаях, когда значения единиц, входящих в заглавное слово, дают ключ к пониманию значения целого. Например, лексема разве⁶ восходит к древнерусской форме розве и старославянской форме разве, которые имели значение «кроме, только», близкое к семантике исключения. Логика «исключения» прослеживается и в некоторых современных употреблениях разве.

В третьей зоне формулируется общая операция (сценарий-схема), в которую «сведены те компоненты смысла описываемой единицы,

⁶ Для примера использована частица разве, описанная в книге «Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстуально-семантического описания», с.293.

которые могут быть прослежены во всех (или большинстве) частных модификаций и которые одновременно задают координаты, позволяющие исчислить контексты употребления» (Путеводитель по дискурсивным словам русского языка, с.16), при этом основная формулировка имеет стандартный вид «дискурсивное слово (ДС) р означает, что...», где на месте ДС стоит описываемое слово, а после него указывается сущность, которую вводит указываемое слово («р – пропозиция, высказывание, семантическая область/домен (часть семантического представления), связанная с некоторым высказыванием» (Баранов, 1994, с.67). Например, «разве р» означает, что So (говорящий) будучи гарантом не р, вводит в дискурс для обсуждения р в связи с наличием факторов, указывающих на р. Обсуждение р происходит, как правило, в форме поиска возможного гаранта р. Существование такого гаранта немыслимо для So, и это оказывается регулярной причиной коммуникативного конфликта.

В четвертой зоне, общие семантические эффекты (границы) фиксируются основные принципы, регулирующие разделение общей операции на модификации и распределение примеров по подгруппам. Там же приводится информация о тех компонентах толкуемого выражения, которые могут рассматриваться как следствия из общей операции. Так, границы для частицы разве выделяются на основании большей или меньшей значимости не р (соответствующего позиции So) или р (соответствующего позиции S1(адресат, слушающий) как реального или возможного гаранта р). Критерии выделяемых граней формулируются в терминах относительной значимости компонентов, указанных в сценарии-схеме, например, для частицы разве выделяются:

- Грань А. Превалирует позиция S_0 как гаранта не p ; p не представлено в явной форме в левом контексте и вводится через разве.
- Грань Б. P представлено в явной форме в левом контексте. Превалирует позиция S_1 как возможного гаранта p .
- Грань С. Одновременно представлены обе позиции: не p и p .

Зона модификаций (Деформации) отражает попытку описать множество контекстов употребления интерпретируемой единицы как ряд органично переходящих друг в друга подмножеств, связанных в единое множество общей операцией. Модификации включают в себя метафорический заголовок, модификацию операции, примеры, представляющие «семантическое ядро» данной модификации. Например, деформации грани А для частицы разве выделяются авторами в зависимости от относительной значимости позиции S_0 как гаранта не p и S_1 как потенциального гаранта p на фоне общего преобладания позиции S_0 . В деформации А.1. превалирует позиция S_0 , в деформации А.2. несколько усиливается позиция S_1 , а в А.3. позиции участников ситуации общения близки к равновесию. Покажем для примера деформацию А.1. Театр абсурда

- Так ты утверждаешь, что не призывал разрушить... или поджечь, или каким-либо иным способом уничтожить храм?

- Я, игемон, никого не призывал к подобным действиям, повторяю. Разве я похож на слабоумного? (М. Булгаков)

Разве p означает, что S_0 , будучи гарантом не p , вводит p , которое очевидно не соответствует действительности, для того, чтобы показать неправильность позиции S_1 -го относительно некоторого q , поскольку не p влечет не q . Некоторое снижение значимости позиции S_1 -го связано с тем, что обсуждение q происходит не прямо,

а как следствие введения в диалог р. S1-ый не утверждает р прямо; р лишь приписывается ему говорящим.

Заключает словарную статью в «Путеводителе» корпус примеров употребления интерпретируемой единицы. Структура корпуса повторяет разбиение на контексты (на модификации) в словарной статье, а примеры корпуса по возможности полно представляют значение и употребление словарной единицы.

Оригинальная концепция описания слов, выработанная представителями школы А. Кюльоли, позволяет детально проследить динамику функционирования слова, показывает каким образом описываемое слово входит в определенные контексты. Включение компонентов: So (говорящего), S1 (адресата, слушающего), Sx (участника ситуации общения) дает возможность, по нашему мнению, делать выводы о прагматических функциях изучаемого слова, что особенно важно для частиц как слов, регулирующих процесс общения. Вместе с тем, нам представляется, что остается нерешенной проблема отделения значения слова от значения контекста, в котором данное слово употребляется, что препятствует объективности исследования. Так, неодинаковое описание частицы разве в следующих примерах определяется различиями в ситуационном контексте его употреблений, но не в семантике слова, которое сохраняет, как нам кажется, свое значение, т. е. модификации, отраженные в словарной статье, описывают не роль данного слова, а весь контекст в целом.

- Ежели кто, паче чаяния, в обмане, али в обвесе, али в другом каком воровстве замечен будет, то с ним расправа коротка: веревка на шею, а имение в казну.

- Что ты батюшка, - слабо ахнул купец и взмахнул рукой, - разве среди нас такие лиходеи найдутся. Нам не казна важна, - сколько ее

ни на есть, в гроб ее не унесешь, - а слава добрая.
(Ю. Домбровский)/Грань А. Деформация 1./

/из интервью с женщиной, недавно вышедшей из тюрьмы/ - Ну а кормили-то как? – Ужасно, конечно. – А передачи от родственников? - Разве я их ела? Да и кто их ест? Все отдавать приходится. Не поделишься, так отнимут. («Коммерсант-Daily»)/Грань С. Деформация 2./

Также, мы полагаем необоснованным использование в словарной статье примеров, в которых частица разве соседствует с другой частицей, например, да, как в следующем примере:

Корнилов поставил стакан. – Потом допью, скажите, что писать? Хрипушин неуверенно посмотрел на него. – Да разве ты сейчас что дельное напишешь? Завтра уж придешь и напишешь. А пока вот тебе лист бумаги, садись к столу и пиши. (Ю. Домбровский).

Частицы да и разве входят в оба примера, иллюстрирующих грань В деформацию 3, что может быть не случайным, а отражать взаимодействие семантики данных частиц.

Частица разве близка по семантике частице неужели, что отмечается и авторами словарной статьи в книге «Дискурсивные слова», что позволяет предположить, что в пределах одной грани и одной деформации отношения между частицами должны сохранять определенное соотношение: семантически дифференцироваться, противопоставляться или семантически сближаться. Однако в грани С деформации 2 это соотношение нарушается, ср.:

- Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте, пожалуйста, Иван Никанорович. Вот по вашей-то части ничего что-то и не попадалось! Так, черепки всякие нестоящие есть. Зайдите, загляните? - Да, нет, нам краб нужен, - ласково сказал директор. – Кра-аб? – как будто даже удивился старик. – А что же, на базаре их разве (неужели)

мало? Вон их сколько там, любого хорошего бери, хошь красного, хошь желтого. – Да нет, нам такие не нужны, - сказал директор. (Ю. Домбровский)

/из интервью с женщиной, недавно вышедшей из тюрьмы/ - Ну а кормили-то как? – Ужасно, конечно. – А передачи от родственников? - Разве я их ела? Да и кто их ест? Все отдавать приходится. Не поделишься, так отнимут. («Коммерсант-Daily»)

В первом предложенном авторами примере частицы разве и неужели максимально сближаются, передавая различную степень удивления по поводу происходящего, во втором же примере представляется невозможным заменить частицу разве на частицу неужели.

Итак, нами были рассмотрены два различных подхода к описанию частиц: использование метаязыка, процедурность описания сближают подходы Московской семантической школы и школы Кюльоли. Однако представители формальной лингвистики, в отличие от сторонников Московской семантической школы, отказываются от признания многозначности служебных слов, устанавливают обязательное общее значение, имеющее крайне абстрактный характер, не описывают контекстные ограничения на употребление исследуемых слов. Необходимо заметить также, что контекстуально-семантическое описание применялось только к дискурсивным словам и глагольным префиксам, что несколько снижает теоретическую значимость такого подхода. По нашему мнению, описание через толкование имеет универсальный, системный характер, что отражено практически в «Новом словаре синонимов русского языка», в котором очень удачно наряду с существительными и глаголами проанализированы частицы: именно, как раз.

Таким образом, рассмотрение двух теоретических направлений позволяет сделать следующие выводы, важные для выработки собственного подхода к изучению вопросительных частиц:

- Наиболее продуктивным является описание некоторой группы лексем, имеющих общие свойства, а также скрупулезное исследование отдельных слов и даже отдельных их значений, т. е. рассмотрение каждого слова как носителя общего и частного.
- Необходимо расширить объем информации об описываемом слове: включать в описание просодические, морфологические, синтаксические, семантические, прагматические, коммуникативные свойства и ограничения.
- Слово должно изучаться не изолированно, а в контекстах своего употребления, при этом контекст должен рассматриваться не только как ближайшее окружение данной лексемы, а как реальная речевая ситуация.
- Для определения семантики и функций частиц надо собрать и типизировать большое количество контекстов, в которых они употребляются.

1.1.3. Семантика и функции частиц.

Проблематика изучения частиц тесно связана с решением вопросов о сущности и связи лексического и грамматического в слове, о соотношении его значений и функций. Значение представляет собой «знаковое содержание формы, ее системно значимое внутреннее свойство» (Бондарко, 1985, с.21), а функция – проявление назначения и действия слова в речи.

К настоящему времени не сложилось единого мнения о наличии у частиц лексического значения. Существует три различные точки зрения по этому вопросу:

1. Частицы не имеют лексического значения, так как это значение выявляется только в предложении и является модальным значением предложения (Шведова, 1960, с.97; Гвоздев, с.422; Кривоносов, 1982, с.52 и др.);
2. Частицы имеют одно значение: одной форме всегда соответствует одно значение (сторонники школы Кюльоли: см. «Путеводитель по дискурсивным словам русского языка», «Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания»);
3. Частицы многозначны, поскольку они являются полноценными словами языка (Николаева, 2000; Борисова, 1999; Щербань, 1994; Кириченко, 1990 и др.)

В своем исследовании мы будем придерживаться последней точки зрения. Лексические значения выражают понятия, отражающие связи, отношения предметов, качеств и действий; «там, где эти понятия отношений являются основными, центральными в слове, они и оказываются лексическими значениями данных неизменяемых служебных слов» (Шибанова, 1970, с. 111). Именно потому, что частицы обладают лексическим значением, они описываются в толковых словарях.

Частицы способны вступать в синонимические, антонимические и омонимические отношения. (Он уже пришел./Он еще не пришел. Неужели это возможно?/Разве это возможно? Придешь ли ты?/Рано ли, поздно ли, но приду.) Важно отметить, что частицы могут и стилистически дифференцироваться: неужели, неужто, неужель; ась, асеньки, асечки, асетко.

При решении вопроса о лексическом значении частиц следует принимать во внимание и то, что значительная группа частиц в современном языке связана по происхождению с полными словами и сохраняет в большей или меньшей степени «семантическое наследие мотивирующей части речи» (Широкова, 1988, с.50). Это такие частицы, как еще, уже, разве, вот, действительно и др. Сложнее проанализировать в этом отношении первообразные частицы (же, да, аж, ну и др.), так как у них наблюдается большая степень «ослабленности» лексического значения. Но и в этих словах можно выделить лексическое значение, несмотря на то, что их семантическая реализация зависит от множества структурно-семантических факторов.

С другой стороны, есть исследования, в которых не всегда четко разделяются значение самой частицы и значение контекста, в котором она употребляется. Это приводит к выделению неограниченного числа значений частицы. Например, Г. Н. Щербань выделяет 37 значений частицы ну, что нельзя считать правомерным. Вместе с тем, нельзя не отметить, что многозначность характерна для многих частиц, так, частица да может иметь как утвердительное значение, так и вопросительное; частица разве – значение вопросительное и уступительное и т.п., что делает возможным при классификации частиц включать их в разные группы соответственно их значениям.

В лингвистической литературе не имеет однозначного решения вопрос об отделении лексического значения частицы от ее функции (Борисова, 1990; Кобозева, 1991 и др.) А. В. Бондарко отмечает, что содержание понятий значения и функции могут перекрещиваться: «так, когда речь идет о функции как о способности формы выражать

те или иные значения, грань между функцией в ее потенциальном аспекте и значением может стираться.» (Бондарко, 1985, с.31-32).

Значения частиц реализуются при выполнении ими различных функций, которые можно разделить на две большие группы:

1. Семантические;
2. Прагматические (Кобозева, 1991, с.167).

Обобщенно семантическая функция может быть охарактеризована как «мостик между высказанным и подразумеваемым» (Rathmaug, с.61). В рамках этой общей функции выделяются частные:

- 1) Выражение отношения говорящего к сообщаемому (под сообщаемым понимается положение дел, соответствующее пропозициональному содержанию любого типа речевого акта – сообщение, вопрос, побуждение и т. д.) в терминах разного рода оценок: эпистемическое отношение (возможность, сомнительность, бесспорность и т. п. выражаемой пропозиции), аксиологическое отношение (оценка в терминах хорошо/плохо, желательно/нежелательно), оценка в терминах соответствия норме, которая может иметь алетическую, деонтическую и аксиологическую природу. Например, частица разве в предложении «Разве он собирается ехать в отпуск?» выражает эпистемическую установку говорящего.
- 2) Введение в поле зрения информации, дополнительной к сообщаемому: отсылка к множеству объектов/ситуаций, по отношению к которому рассматривается упоминаемый объект/ситуация; отсылка к знаниям, на фоне которых оценивается ситуация. Например, частица даже в предложении «Даже студент может решить такую задачу» предполагает наличие некоторого множества субъектов: студент, преподаватель, профессор и т. п.

- 3) Выражение внутреннего состояния говорящего: удивления, затруднения, раздражения и др. Например, в предложении «Неужели ты не мог вымыть посуду?» частица показывает внутреннее раздражение, недовольство говорящего.

Для частиц типична одновременная реализация нескольких семантических функций, «создающая сложный рисунок ее означаемого» (Кобозева, 1991, с.170).

Прагматические функции частиц многочисленны и разнообразны; они имеют отношение к организации процесса коммуникативного взаимодействия. Например, инициальная частица а создает атмосферу непринужденности в разговоре (А может быть пойдём в кино?); частицы ну-ну, да и др. поддерживают контакт; частица что показывает нежелательность действия (Ты что, с нами пойдёшь?).

Таким образом, представляется необходимым описывать как семантические, так и прагматические функции частиц, что позволит дать их разносторонний анализ.

1.1. 4. Классификации частиц.

Соответственно значениям и функциям частицы распределяются по различным разрядам, что находит свое отражение в классификациях частиц.

В данном исследовании детализировано рассматриваются следующие три классификации.

- Классификация частиц В. В. Виноградова.
- Классификация частиц А.Мировича.
- Классификация частиц Т.М.Николаевой.

Классификация В. В. Виноградова.

К частицам В. В. Виноградов относил классы слов, которые обычно не имеют вполне самостоятельного реального или материального значения, а вносят, главным образом, дополнительные оттенки в значения других слов, групп слов, предложений или же служат для выражения разного рода грамматических отношений. Лексические значения этих слов совпадают с их грамматическими, логическими или экспрессивно-стилистическими функциями, поэтому семантический объем частиц очень широк, их лексико-грамматические значения очень подвижны, они находятся во власти синтаксического употребления.

В. В. Виноградов выделяет 8 основных разрядов частиц:

1. Усилительно-ограничительные, или выделительные.
2. Присоединительные.
3. Определительные.
4. Указательные.
5. Неопределенные.
6. Количественные.
7. Отрицательные.
8. Модальные.

К усилительно-ограничительным ученый относит частицы: и, же, ведь, еще, да, даже, то, уж, только, лишь, хоть, единственно, исключительно, решительно, просто и др. Он отмечает, что эти слова «играют роль своеобразных качественных показателей смыслового веса слов или высказывания в целом» (Виноградов, 522). Этим словам свойственно сочетание усилительных функций с союзными значениями.

И бедняк может быть счастлив. (А. П. Чехов.) Ирландские крестьяне питаются почти исключительно картофелем.

Присоединительные частицы тоже, также, к тому же, и то, притом и др. устанавливают разного рода соотношения и связи между предметами мысли и, соответственно, элементами речи, синтаксически разъединенными.

Любил я тоже, что в лице ее вовсе не было ничего такого грустного или ущемленного. (Ф. М. Достоевский)

Определительные частицы подлинно, именно, как раз, точь-в-точь служат для «определения, уточнения того или иного слова, обозначения той или иной характеристики» (Виноградов, с. 524).

Лицо его вдруг, несмотря на приятность, не понравилось начальству, почему именно, Бог ведает; иногда даже, просто, не бывает на это причин. Гоголь.

Указательные частицы вот, вон, это, оно, просторечное во не только указывают на предметы и явления внешнего мира, но и служат для связывания и указательного подчеркивания слов.

Садитесь чай пить, вот и разговор весь. (Л. Толстой)

К неопределенным частицам относятся –то, -либо, -нибудь, кое-, либо, угодно, что бы то ни было. Они придают значение неопределенности тем словам, к которым примыкают, и являются в сущности словообразовательными элементами.

В разряд количественных частиц входят частицы, которые еще не отделились от наречий, например: почти, приблизительно, ровно, точно, чуть не.

Ровно в половине двенадцатого Герман ступил на графинино крыльцо. Пушкин.

К отрицательным частицам относятся широко употребляемые в русском языке частицы не и ни, но частица ни вне связи с не имеет отрицательное значение только в императивных и количественных предложениях.

Ни гроша не стоит.

К модальным частицам В. В. Виноградов относит модально приглагольные бы, пускай, да, ну, выражающие разнообразные оттенки глагольной модальности; вопросительные частицы ли, разве, неужели, ужели; восклицательно-вопросительные что за; частицы, выражающие недоверие к чужой речи будто; к чужим утверждениям и характеристикам якобы; вводящие чужую речь мол, де.

Таким образом, классификация В. В. Виноградова построена по семантическому и синтактико-функциональному принципам. Усилительно-ограничительные, определительные, количественные, указательные, отрицательные частицы выделяются по семантическому принципу, а присоединительные и модальные – по синтактико-функциональному принципу.

Классификация А. Мировича.

Опубликованная в 1962 году статья польского лингвиста А. Мировича «Основные функции частиц в современном русском языке» отражает несколько иной подход к изучению частиц. Решающим для автора стал семантико-коммуникативный принцип (с.105). Для того чтобы избежать смешивания неоднородных функций и категорий он учитывал два различных плана речи: план содержания, т. е. информационно-коммуникативную сторону высказываний, и план выражения, в суженом смысле выразительности, экспрессивности. В плане содержания, в свою очередь, различается содержание грамматического и лексического порядка.

Основываясь на таком разграничении, А. Мирович разделяет частицы на выполняющие смысловую, чисто коммуникативную, функцию и выполняющие экспрессивную, стилистическую функцию. При этом он не рассматривал частицы морфемного характера

(словообразовательные и формообразующие), считая, что они должны быть отделены от остальных частиц.

Частицы со смысловой функцией делятся на модальные и, как назвал их автор, «конъективные». Термин модальность используется в узкограмматическом смысле при оппозиции прямого и косвенных наклонений. Косвенными наклонениями выражаются всевозможные высказывания «гипотетического» характера со значениями предположения, возможности, вероятности, сомнительности, желательности и т. п. Модальные частицы, по определению Мировича, являются показателями косвенной, «гипотетической» модальности (с. 106). В группу модальных частиц он включает и модальные слова, так как они также являются показателями «гипотетической» модальности и выполняют одинаковую функцию с модальными частицами, следовательно, граница между ними «неопределенна и подвижна» (с. 107).

Модальные частицы могут выражать: возможность: может быть, возможно; предположение, неуверенность, достоверность той или иной степени: верно, наверно, видно, очевидно, по-видимому, вероятно, должно быть, пожалуй, кажется, как будто бы, знать; сомнительность: едва ли, вряд ли; желание: пусть, пусть бы, да, хоть бы; увещевание: бы (Ты бы согласился); желательность: бы (Хорошо бы отдохнуть); уступительность: пусть, пускай (Пусть я буду виноват); опасение, слабую надежду: вдруг, как бы не, авось; вопрос: ли, разве, неужели.⁷

А. Мирович считает, что модальные частицы относятся к плану грамматического содержания высказывания, и потому их функция, будучи смысловой, информационно-коммуникативной функцией, является в то же время грамматической.

⁷ Однако как показывает анализ частиц неужели и разве, сделанный во второй главе данной работы, эти частицы выражают не только вопрос, но могут выражать значения сомнительности, увещевания, опасения и другие.

К частицам со смысловой функцией отнесены в работе и «конъективные» частицы. Они не входят в связную структуру предложения и являются синтетическими, синтаксически нерасчлененными показателями более широкого фона различных обстоятельств, который лишь неполно определяется значением самих частиц, а полностью конкретизируется содержанием всего высказывания в целом. В отличие от союзов, выражающих формально-синтаксические отношения, «конъективные» частицы расширяют конкретно-лексическое содержание предложения.

В группе «конъективных» частиц выделено 12 разрядов таких, как ограничение: только, лишь, исключительно; исключительность, необычность: даже (Он даже не заметил, что совершенно промок от дождя); временное неосуществление предстоящего: еще не, пока еще не (Еще не настали морозы) и другие.

Автор полагает, что «конъективные» частицы выполняют ту же функцию, что и номинативные лексемы, следовательно, их функция – лексическая, грамматическая же значимость у них отсутствует.

Третью большую группу составляют экспрессивно-эмфатические частицы: ну, так, вот, же, ведь, уж и др. Они не затрагивают плана содержания, придают речи выразительность и напряженность. В статье отмечается их взаимодействие с интонационными средствами речи и близость к междометиям, так как они не имеют конкретного смыслового содержания, очень эмоциональны.

Классификация А. Мировича нашла много сторонников среди исследователей частиц, однако, наряду с интересными лингвистическими наблюдениями, в ней можно отметить ряд спорных моментов.

Классификация объектов по семантическому признаку «рискует оказаться бесконечной, потому что на этом пути возможности

детализации безграничны» (Апресян, 1966, с. 16). Это положение находит свое полное подтверждение в вышеприведенной классификации: например, модальные частицы, выражающие достоверность той или иной степени, и частицы, выражающие сомнительность, оказываются в разных группах, хотя, представляется, что сомнительность показывает лишь определенную степень достоверности. Среди «конъективных» частиц выделены, например, группы частиц, выражающих временное неосуществление предстоящего, неосуществление того, что должно было произойти в ближайший момент, осуществление, предстоящее в ближайший момент. Очевидно, что все частицы, входящие в эти группы, характеризуют действие с точки зрения его временного осуществления (Ср.: Он чуть-чуть не упал. Он вот-вот упадет. Он уже упал.)

Нельзя согласиться с тем, что экспрессивно-эмфатические частицы не затрагивают плана содержания. Так, при рассмотрении конкретных примеров с частицами можно предположительно воссоздать разное контекстное окружение, которое и будет определяться различием семантики частиц.

Он даже по воскресеньям ходил в библиотеку (и в другие дни тоже).

Он ведь по воскресеньям ходил в библиотеку (а не по субботам).

Таким образом, классификации частиц, предложенные В.В.Виноградовым и А. Мировичем, имеют ряд важных различий. Например, А. Мирович не включает в свою классификацию словообразующие и формообразующие частицы (что представляется нам обоснованным), и, наоборот, включает модальные слова.

По-видимому, включение модальных слов в группу частиц противоречит основным принципам распределения слов по частям

речи, так как их семантические и синтаксические свойства различаются. Модальные слова непосредственно выражают «оценку достоверности факта (вероятно, по-видимому, может быть и др.), либо оценку его желательности или нежелательности с точки зрения говорящего (к счастью, к сожалению и др.)» (Маслов, с.219) и функционируют в качестве вводных слов.⁸

В сравниваемых классификациях отдельные частицы определяются одинаково. Так, интересующие нас слова: ли, разве, неужели, да отнесены к модальным частицам, выражающим вопрос; частицы только, лишь, исключительно – к ограничительным частицам. Однако можно отметить и множество несовпадений при обозначении разрядов и распределении по ним частиц. Например, частица даже, отнесенная В. В. Виноградовым к разряду усилительно-ограничительных, у А. Мировича попадает в группу «конъюнктивных» частиц со значением исключительности. Частица вот определена В. В. Виноградовым как указательная, частицы ведь, и, же, уж – как усилительно-ограничительные; А. Мирович относит эти частицы к экспрессивно-эмфатическим и вовсе отказывает им в значении. Можно отметить также несовпадение состава частиц.

Классификация Т. М. Николаевой.

По иным принципам и весьма развернуто построена классификация частиц у Т. М. Николаевой (Николаева, 1985). Она основывает свою классификацию на корреляции частиц с тремя «основными столпами», определяющими их семантику:

1. Отношение к передаваемому событию;
2. Дополнительная семантическая информация, сообщаемая частицей;
3. Зависимость частицы от конструктивной среды высказывания.

⁸ Подробно о разграничении модальных слов и частиц пишет С. И. Буглак (1985).

1) Отношение к передаваемому событию.

Для обобщенного наименования отражаемого фрагмента действительности Т. М. Николаева предлагает термин «ситуация», который включает в себя и состояния, и процессы, и действия и т. п. Ситуация может быть глобальной, если частицы относятся ко всему высказыванию, «как бы склеивая его компоненты» (с.35), а может быть расчлененной, если частицы относятся к некоторому компоненту высказывания, выделяя его.

Только Петя читает книгу (расчлененная ситуация).

Только / зря вы это затеяли (глобальная ситуация).

Ситуация может быть изолированной, если она отражена в высказываниях автономных, хотя и снабженных дополнительной семантикой, и может быть связанной, если непосредственно связана с ситуацией либо предшествующей, либо последующей.

Он любил только свою старшую сестру. К нам идет какой-то человек. (Изолированные ситуации)

Я все могу есть. / А вот рыбу не переношу. Все тихо. / Только чайки носятся по побережью. (Связанные ситуации)

Таким образом, автор считает важным разделять ситуации на глобальные/расчлененные и на изолированные/связанные.

Глобальные изолированные ситуации вводятся словами это, вон, вот. Вот раздается «ау» вдалеке, вот над колосьями в синем венке черная быстро мелькнула головка.

При рассмотрении расчлененных изолированных ситуаций Т.М.Николаева выделяет их компоненты:

- а) действие
- б) субъект и объект действия.
- а) Действие.

Частицы могут характеризовать действие как процесс. Действие начинается: Я слов твоих еще не понимаю, но мне уж страшно. Основные средства выражения: частицы еще не, уже. Действие протекает: Только и говорится о том, как корабль стукнулся о камень. Основные средства выражения: только и, только, еще и, еще, уже, и, даже, так и, вон как, вон + мест. Действие завершается: Петя Савкин был из породы людей, которые презирают покой даже во сне (действие доходит до запретного по распространению объекта). Основные средства выражения: частицы и, даже, только, один.

Частицы могут характеризовать действие со стороны. Длющееся действие: Еще волнуются туманы, еще объята мглой река. Основное средство выражения: частица еще. Не длющееся более действие: Каждое утро она просыпалась в самом дурном настроении и с мыслью, что она Рябовского уже не любит. Основное средство выражения: частица уже не. Действие длющееся слишком долго: Уже неделю Тарас Бульба жил с сыновьями своими на Сечи. Основные средства выражения: частицы вот уже, уже. Действие результативно: Он уже получил желанную степень магистра. Основное средство выражения: частица уже.

Частицы могут характеризовать действие как повторяющийся акт. Действие повторяющееся: Еще и еще просмоленные стрелы, объятые пламенем, вонзались в дубовый город. Основное средство выражения: частицы уже, еще и еще. Может подчеркиваться, что действие не повторяется: Это была высокая, чистая душа, и ума такого я уже не встречал потом. Средство выражения: частица уже не.

б) Субъект и объект действия

Точно так же, как и к основному действию, частицы могут относиться к основным актантам события, при этом актанты могут

при помощи частиц указываться, отождествляться, квалифицироваться. Указание на актанта: Вам велели передать из конторы, вот! И он протянул маленький конверт. Основные средства выражения: частицы вот, вон. Отождествление актанта: Кругом все та же наивно улыбающаяся природа, тот же лес, та же задумчивая Волга, обвевал его тот же воздух. Основные средства выражения: частицы же, даже. Квалификация актанта: Хребет, Черные горы, еще какой-то хребет и, наконец, снежные горы. Основные средства выражения: частицы только, вон, еще, и, еще и, уже.

Рассматривая связанные ситуации, выраженные высказываниями с частицами, Т. М. Николаева показывает, что они могут коррелировать с другими ситуациями.

1. Ситуации вводятся в коммуникативный контекст: а) как факт б) как пример в) как напоминание г) как обещание.

а) Как факт: И не советую жениться, когда влюбишься. Ведь любовь пройдет – это уж пошлая истина. Основные средства выражения: частицы вот, ведь, же.

б) Как пример: Теперь чувства совсем другие. Нам вон и в голову такие поздние браки не приходили. Основные средства выражения: частицы вон, вот.

в) Как напоминание: Ну, как же не была Настасья Фадеевна в Петровке? Еще тогда все пироги с грибами пекли: она любит. Основное средство выражения: частица еще.

г) Как обещание: Ты веришь этому? Да, он еще сложит свою песню. Основное средство выражения: частица еще.

2. Другое событие может комментироваться: а) поясняться, б) ограничиваться, в) оцениваться.

а) Поясняется: Как не погибнуть, если мачту сорвет? Ведь это все равно, что отрезать вожжи у горячей лошади. Основные средства выражения: частицы ведь, же, это.

б) Ограничивается: Красным зверем вспыхнул запад, и всюду потянулись розовые полосы. Только к берегу еще резче отделилась вода. Основное средство выражения: частица только.

в) Оценивается: Ба, друг старый! Мы давно знакомы! Вот судьба! Основные средства выражения: частицы вот, вот еще.

3. Два события могут содержательно сближаться, при этом объединяющим компонентом у двух ситуаций типично оказывается некоторое общее звено, темпоральный или локальный компонент: Вдалеке на колокольне пробило три часа. Сейчас же запели вторые петухи. Основное средство выражения: частица же.

4. Может выявляться содержательная связь двух ситуаций: .

а) Временное протекание: Уже солнце начинало прятаться за снеговой хребет, когда я въехал в Койшаурскую долину. Основные средства выражения: частицы уже, еще, только, только еще.

б) Противопоставление: Хочется знать, как Вы поживаете, от Вас же, между тем, ни одного письма. Основные средства выражения: частицы еще-уже, же, да вот, только.

в) Отношение причинности: Зачем я ему служу? Ведь и отец мой ему служил, и дедушка служил его батюшке. Основное средство выражения: частица ведь.

г) Отношение результата: Надоели они мне очень вчера. Я и убежал от них квартиру нанять. Основные средства выражения: частицы ведь, даже, и, вот, и вот, только, уже и.

Таким образом, в результате анализа частиц в их отношении к передаваемому событию автором были выявлены частицы многозначные, способные обслуживать несколько ситуаций, и однозначные, обслуживающие только одну ситуацию. Для каждого способа представления действительности выделены наиболее предпочитаемые частицы. Для событийных отношений: вот, еще, же, ведь; для актантной квалификации – еще, же; для квалификации действия – еще, уже. Изолированные глобальные ситуации вводятся через это, вон, вот. В изолированных ситуациях не бывает представлена частица ведь, в сопоставляемых не представлена частица один. Таким образом, в исследовании делается вывод о периферийности употребления частиц ведь и один, первая максимально приближается к союзу, вторая – к артиклеобразному местоимению.

2) Дополнительная семантическая информация, сообщаемая частицей.

Одним из свойств частицы является ее способность передавать скрытую, но понятную для всех носителей языка объективную семантику, поэтому анализ этой «скрытой семантики» (Николаева, 1985, с.85) составляет обязательный компонент описания частиц.

Т. М. Николаева выделила шесть возможных смысловых признаков, связанных со скрытой семантикой частиц.

1. Определение отношения говорящего к сообщаемому: Он все читает и читает. Собственно отрицательное отношение демонстрируется при повторах с частицами.

Автор отмечает, что «частицы не-формативы передают прямое отношение субъекта-говорящего к содержанию высказывания в ограниченном количестве» (Николаева, 1985, с.89), в большей степени чистая субъективность передается модальными словами

к сожалению, к счастью, жаль, оценочными наречиями хорошо, плохо, грустно и т. д. Основными частицами, передающими значения субъективной оценки, являются частицы вот, же, и, – то, а также их комбинации с союзными частицами а, ну, но, да.

Вот и доказал! Жулик же ты! Книг-то! А вот и пустяки! Вот глуп-то! и т. д.

2. Сообщаемое и норма: Он заснул уже через несколько минут (слишком быстро).

Т. М. Николаева отмечает, что само понятие нормы включает в себя три категориальных компонента:

- 1) объективная реальность (алетические факты);
- 2) прескрипционные установки (деонтологические факты);
- 3) оценочный момент (аксиологический компонент).

Эти компоненты тесно связаны между собой, один опирается на другой. В высказываниях с частицами выражается отношение к нормативной части человеческого существования. В свою очередь при соотнесении происходящего и денотата высказывания, т. е. события и нормы, выявлены категории:

- 1) неизбежности,
- 2) несоблюдения,
- 3) несоответствия.

Таким образом, в работе выделяется девятичленная группировка высказываний с частицами.

Алетическая неизбежность передается частицей еще в высказываниях, демонстрирующих длящееся действие, которое с неизбежностью перейдет в свое противоположное качество.

Москвичи все еще продолжали считать, что они живут в столице (они перестанут это считать).

Алетическое несоблюдение нормы связано с двумя полюсами: «недостаточно» и «слишком» и близкими к этим полюсам - «менее, чем» и «более, чем», передается частицами: только, даже, и, уже, вот уже.

На небе ничего не осталось, только две белые полосы. На юге летом тепло, даже жарко. Уже через пять минут он заснул.

Алетическое несоответствие выражается несоответствием ситуации норме и несоответствием норме ее компонента, актанта частицами – то и даже.

Что-то голова болит. Он не мог даже вздохнуть.

Прескрипционная неизбежность выражается конструкциями с еще не. Высказывания строятся на презумпции совершения, будущности события, поскольку это необходимо (предписано нормой).

Агафья Тихоновна еще не выбрала себе жениха.

Прескрипционное несоблюдение выражается частицами только, даже, и, уже, вот уже, т. е. теми же средствами, что и алетическое несоблюдение.

Он чистил зубы только один раз в день. Он не просто любит цветы, но и ухаживает за ними. Уже взрослым он выучился грамоте.

Прескрипционное несоответствие выражается частицами –то, даже, и, и только, а еще (еще).

Ну, хорошо, и ходить в школу не будем? Он только читал книги. А еще старый друг!

Следующие группы: оценочная неизбежность и оценочное несоблюдение автором не выделяются отдельно, так как оценочная неизбежность выражается эксплицитно, а классификация строится на анализе скрытой семантики частиц, кроме того, оценка включается в отношении к общей прескрипции.

Оценочное несоответствие строится, по мнению Т.М.Николаевой, на альтернативном фундаменте, имеет место компонент «а могло быть иначе», что отличает чистую оценку от прескрипции, включающей в себя оценку, и выражается частицами еще, только, уже.

Спасибо, милые, вам, что вы еще любите меня (А могли бы разлюбить). Только на родине он понял всю серьезность своего поступка (А можно было понять раньше). Он уже не покидал Петербурга (А мог бы ездить).

3.Сообщаемое и генерализация: Молва о Дон Гуане и в мирный монастырь проникла даже (в мирные монастыри не проникают сведения о светских распутниках). Как отмечает автор, категории генерализации и нормы связаны между собой отношениями близкого категориального контакта, но не совпадения. Генерализациями считаются обобщения человеческого опыта, которые подаются как бесспорные. Генерализации могут быть ложными, индивидуальными построениями, выдаваемыми за социальное обобщение. Практически все частицы, не являющиеся частицами неопределенности, участвуют в выражении скрытой семантики генерализации. Важным фактором считается соотнесенность частиц и синтаксической структуры высказывания.

Помочь совсем не захотела. А еще сестра родная! Вот гусар не оставил бы поля боя просто так. (Родные сестры – надежные помощники; гусары – отчаянные вояки). Это только артисту читать. Но эта грязная работа не для красивых же женщин.

4.Выявление дополнительных ситуаций: Ненавидел он даже Алешу (Алешу нельзя ненавидеть). Т. М. Николаева

отмечает, что дополнительное фактивное имплицированное событие возникает при соблюдении ряда условий.

Во-первых, частицы должны относиться к компоненту внутри основной ситуации, а не ко всей ситуации в целом.

Во-вторых, в данном высказывании не должна имплицироваться норма (объективная), как соблюдаемая, так и несоблюдаемая или несоответственно реализуемая.

В-третьих, дополнительные ситуации не имплицировуются частицами неопределенности, которые выражают либо неопределенность самой ситуации, либо субъективную оценку.

Четвертым условием является необходимость имени при частице быть членом некоторого альтернативного множества.

В-пятых, семантика глагольного сказуемого должна удовлетворять следующим требованиям: глагол может означать действие, которое в принципе может повторяться; глагол может передавать действие, допускающее шкалярное усиление означенного состояния; эта шкалярность может привести к прекращению действия.

Частицами, вносящими характеристики в основную ситуацию, являются даже, еще, и, уже.

Даже Кольцов прочел эту книгу (Другие прочли эту книгу).
Он уже не читает книг (Ранее читал книги).

5. Выявление скрытой характеристики: Еще пуще старуха бранится (бранилась и раньше, и довольно сильно).

Объем дополнительной информации автор связывает со степенью индивидуализации всех ситуационных актантов, отраженных в высказывании. Индивидуальные характеристики связаны с теми частицами, которые способствуют выражению крайности: только, даже, и, уже.

И только Петрову в этой задаче не разобраться (Петров глуповат. Задача легкая.)

6. Частицы и указание на контекст. Анафорико-катафорическая функция: А вот майора Петрова не помню (ранее непременно должно было говориться о майоре Петрове, т. е. потребность в контексте).

В исследовании отмечается, что ориентация на контекст есть у всех частиц, но у некоторых есть установка на контекст. Это же, и (в значении «также», «именно»), вот, ведь и комбинации этих частиц с другими.

Ее испугала страстность Базарова. Если бы та же страстность проявилась с такою же силою двумя или тремя месяцами позднее (И. С. Тургенев).

Предложенная автором классификация частиц, построенная на описании их через типы скрытой семантики, учитывает «мимикрическую диффузность семантики частиц» (Николаева, 1985, с. 87), однако в ряде случаев сам автор отмечает, что различия между выделяемыми классификационными типами «очень тонки» (с.93). Так, представляется сложным отнесение того или иного употребления частицы в высказывании к алетическому несоответствию или прескрипционному несоответствию, алетическому несоблюдению или прескрипционному

несоблюдению (Ср. Уже через пять минут он заснул. /алетическое несоблюдение/ Уже в два года он знал все буквы./ прескрипционное несоблюдение/).

При описании семантики генерализации Т. М. Николаева уделяет особое внимание функциям генерализованных высказываний, однако остается не понятным, каким образом семантика частиц зависит от структур данного типа, как соотносятся между собой выделенные автором смысловые признаки. Например, высказывание «Подобную задачу можно дать даже троечникам», описанное в исследовании как пример синтаксической структуры со скрытой опорой на генерализацию, может быть, по нашему мнению, описано как вносящее дополнительную характеристику: «подобную задачу можно дать другим», а также как выявляющее другой объективный факт: «задача легкая».

Некоторые примеры, предложенные в исследовании, нуждаются в дополнительном контексте, что позволит читателю интерпретировать их (Он только читал книги /и больше ничего не делал? другие не читали?/положительный или отрицательный оценочный компонент?/)

3) Зависимость частиц от конструктивной среды высказывания.

По наблюдениям Т. М. Николаевой, частицы в отношении к конструктивной среде высказывания не однородны. Автор предлагает следующие классификации:

- 1) большая ориентированность на акцентно-просодические средства – большая ориентированность на строевые средства;
- 2) связанность с общим смыслом высказывания – связанность с отдельным компонентом высказывания;

- 3) ориентированность на имя – ориентированность на глагол;
- 4) связь с формой глагола – связь со способом действия;
- 5) малая включенность в структуру – большая включенность в структуру высказывания;
- 6) широкое образование коммуникативных фразеологизмов – малое образование коммуникативных фразеологизмов.

На основе анализа десяти частиц в исследовании сделаны следующие выводы.

- 1) Частицы и, вот максимально связаны со строевым уровнем и с фразеологизацией.
- 2) По своим табличным показателям частицы даже и уже обнаруживают сходство, что объясняется и семантикой данных частиц – их тягой к экстремальности, крайности передаваемого факта.
- 3) Частицы же, ведь, даже, вон минимально включены в структуру высказывания и минимально образуют фразеологизмы на своей основе.
- 4) Частицы только, вот, и образуют максимальное число фразеологизмов.

Итак, Т. М. Николаева излагает основные принципы своей классификации на материале высказываний с десятью частицами: ведь, вон, вот, даже, еще, же, и, один, только, уже, объектом исследования служили только повествовательные предложения.

Построение классификаций по функциональному признаку позволило оценить роль частиц как компонентов смысла высказывания, показать многообразие их употреблений. При этом одни и те же частицы включаются в различные классификационные группы и подгруппы, что может служить доказательством фиксации

не только несходных значений данных частиц, но и функций высказываний, в которых употребляется та или иная частица.

По-видимому, для создания непротиворечивой классификации частиц требуется обобщить результаты сделанных наблюдений и распространить их на весь класс частиц, при этом представляется необходимым отделять функции частиц от функций других единиц, входящих в высказывание.

Очевидно, что в классификации слов отражается степень их изученности и количество собранного лингвистического материала.

Работа над изучением частиц активно продолжается большим количеством авторов: А. Н. Барановым, Е. Г. Борисовой, Т.В.Булыгиной, А. Д. Шмелевым и др. и создание новой классификации еще впереди, ибо, по замечанию Л. В. Щербы, «исследователю вовсе не приходится классифицировать слова по каким-либо ученым и очень умным, но предвзятым принципам, а он должен разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой» (Щерба, с.64).

В настоящее время в учебных пособиях широко используется классификация частиц, разработанная в Русской грамматике (1980, т.1., с.727). В соответствии с функциями в ней выделяются следующие основные разряды частиц:

- 1) Формообразующие частицы (бы, пусть, пускай);
- 2) Отрицательные частицы (не, ни);
- 3) Вопросительные частицы (ли, разве, неужели, не...ли и др.);
- 4) Частицы, характеризующие признак (действие или состояние) по его протеканию во времени, полноте или неполноте, результативности или нерезультативности осуществления (было, бывало, так и и др.);

- 5) Модальные частицы: а) вносящие эмоциональные и другие оценки, выражающие непосредственно реакции говорящего (ведь, ну, лишь); б) выражающие волеизъявление (дай, дай-ка, давай(те)); в) устанавливающие разнообразные связи и отношения сообщения с его источником, с другими частями сообщения, с другими событиями и фактами (вот и, мол, да, дескать, единственно и др.);
- б) Частицы – утверждающие или отрицающие реплики диалога (да, нет, то- то и другие).

В нашем исследовании не ставится задача подробного анализа приведенной классификации, но следует отметить, что часто выделенные функциональные критерии не достаточны для включения той или иной частицы в данную классификацию.⁹

1.1.5. Вопросительные частицы.

Еще Ф. Ф. Фортунатов и А. М. Пешковский¹⁰ выделили вопросительные слова ли, разве, неужели в отдельную группу частичных слов, В. В. Виноградов выделил вопросительные частицы как подгруппу модальных частиц, а А.Н.Гвоздев добавил к ним частицы как, что и разговорную частицу что ли.

В Русской грамматике список вопросительных частиц значительно расширен: в него включены частицы а, или (во втором томе с.386),

разве, что за, что, что ли, что же, что если. Эти частицы как, ли (ль), не ... ли, неужели, никак (прост.), ужели (устар.), выполняют синтаксическую функцию оформления вопросительных конструкций и «совмещают значение вопросительности с более или менее отчетливо выраженной модальной окрашенностью» (Т.1.С. 726).

⁹ В п.1.1.5. это показано на примере вопросительных частиц.

¹⁰ См. п. 1. 1. 1. , с. 12.

В словарях современного русского языка отмечаются расхождения в определении частеречной принадлежности некоторых из вышеперечисленных слов: как (частица – наречие), неужели (частица – наречие), разве (частица – наречие), что (частица – местоимение - союз).

Слово как будет нами рассматриваться в качестве вопросительной частицы в следующих значениях и употреблениях (здесь мы следуем за словарным представлением слов):

1) в риторических вопросах и восклицаниях утверждает бесспорность высказанной мысли, в значении «разве можно», «невозможно».

И нечему дивиться: Как дереву с огнем дружиться?
(И.А.Крылов)

2) в разговоре обозначает, что собеседник, недостаточно ясно поняв, недослышав только что сказанное, переспрашивает сказавшего, в значении что.

-Чацкий произвел всю эту кутерьму. – Как? Чацкого кто свел в тюрьму? (А. С. Грибоедов)

3) употребляется для выражения негодования, удивления

Как, ты опять здесь?

4) в собственно вопросах

Как, согласен?

Слово разве является частицей в следующих употреблениях:

1) в вопросительных предложениях в значении неужели, правда ли, что.

Разве он уже приехал?

2) в вопросах, выражающих колебание перед предстоящим действием, в значении может быть.

Разве съездить завтра?

Слово *неужели* может быть определено как частица в значении *разве*, возможно ли.

Неужели он согласился?

Слова как, *разве*, *неужели* в выше описанных употреблениях являются частицами, так как к ним нельзя поставить вопрос, с ними не может быть построен однородный ряд, они не могут иметь уточняющего обстоятельства. Слова как, *разве*, *неужели* сильнее, чем наречие, связаны с контекстом, а также могут сочетаться со всеми знаменательными частями речи.

Слово *что* считаем частицей в следующих употреблениях:

1) в начале вопросительного предложения для выражения удивления, недоумения.

Что, ты играешь еще на флейте? (Соллогуб)

2) в начале вопроса в значении близком к *как*.

Что, заинтересовались?

3) в диалоге в функции слова-предложения как отклик, ответ на поставленный вопрос в значении близком к «Что такое?»

- Катька! – кричит Таня. – Что? – отвечает та подобострастно. – Поддай еще!)

4) выражение переспроса

Ты меня слышишь? – Что?

Однако слова *никак* и *что* ли мы вопросительными частицами не считаем: слово *никак* рассматривается как вводное слово, так как оно не изменяет свое значение в зависимости от типа предложения, т. е. не имеет вопросительного значения, и синонимично словам *кажется*, *как будто*.

Ср. А мне, никак, опять есть хочется. Ты, никак, Фимка, стонешь?
 Что ли традиционно толкуется в словарях как модальная частица в значении вводного слова (СУ) или относится к категории вводных слов, выражающих неуверенность, сомнение. Что ли рассматривается в толковых словарях в статье «что» и обычно снабжается пометой разг. Частица что ли реализует свои значения во всех типах предложений: повествовательных, побудительных и вопросительных.

- Да, бедно живете, неблагоустроено, - поддакивал настройщик. –
 Хоть бы аквариум завели, что ли. (Л. Кассиль)

- Ну, давайте кончать, что ли! – закричала Катя Ваточкина.

(Л. Кассиль)

- А ты не хочешь, что ли, идти к нему? - Конечно, не хотелось бы.
 (Н. С. Лесков)

Что ли употребляется для выражения предположения говорящего, связанного с довольно большой предварительной осведомленностью; для выражения неуверенности говорящего в необходимости какого-либо действия; для неуверенного предложения чего-либо. Подробное описание семантики и функций слова что ли предложено в книге «Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстуально-семантического описания» (с.336). Значения что ли реализуются в разных типах контекстов и не ограничиваются употреблением в неместоименном вопросе. Таким образом, что ли не может быть отнесено к группе вопросительных частиц, несмотря на близость к семантике частиц разве, не...ли, или, что.

И. А. Киселев, И. П. Святогор, И. П. Распопов включают частицу да в группу вопросительных, что представляется нам обоснованным, и соответственно мы рассматриваем эту частицу как вопросительную.¹¹

¹¹ Частица *да* многозначна, поэтому соответственно ее значениям при классификации частиц включается в разные группы.

В качестве вопросительных «при определенных лексико-грамматических условиях и обстановке речи может использоваться широкий круг частиц других разрядов» (Киселев, с.86), поэтому встает вопрос об определении строгих критериев, по которым ту или иную частицу следует относить к разряду вопросительных.

В Русской грамматике отмечается, что «модальные частицы вносят в предложение разные значения субъективного отношения к сообщаемому» (С.728), однако модальные значения также «присутствуют в частицах отрицательных и вопросительных» (С.727). Встает вопрос: как отделить частицы модальные, употребленные в вопросительном предложении, от собственно вопросительных частиц. Например, в Русской грамматике частица *неужели* отнесена и к вопросительным, и к модальным частицам, вносящим эмоциональные и другие оценки, выражающие непосредственно реакции говорящего (приводится следующий пример: - Мы не опоздаем? - Неужели опоздаем! Разг.речь) Отнесение частицы *неужели* к модальным представляется нам необоснованным (восклицательный знак здесь скорее передает эмоциональную интонацию, чем отсутствие вопросительности).

Как показано в п.1.1.4., имеющиеся классификации частиц не всегда строго последовательны и логичны, что объясняется трудностями описания класса частиц в целом. Мы предлагаем при построении классификаций учитывать инвариантное значение частицы и ее функции.

Итак, вопросительные частицы выделяются на основании следующих критериев:

1. Инвариантное значение – вопросительное;
2. Отношение к модальным значениям, передающим различную степень уверенности говорящего в

достоверности происходящего (включая как крайние пределы в некоторых употреблениях полное отрицание возможности происходящего (разве), и полную неосведомленность о происходящем (ли, что за));

3. Невозможность использования в повествовательных предложениях или при использовании приобретение иных модальных значений;
4. Функционирование в структуре неместоименного вопроса и невозможность употребления в вопросе с вопросительным словом.

Например, частица так не может в соответствии с этими критериями считаться вопросительной, несмотря на возможность ее употребления в неместоименном вопросе.

Ср. Так вы меня очень любите? – спросила она, отирая слезу, выкатившуюся на щеку. (И. А. Гончаров) А я так без тебя совсем осиротею. (И. А. Крылов)

Инвариантным значением частицы так нельзя считать значение вопросительности, так «свидетельствует о выводе, основанном на предшествующем утверждении» (Щур, с.9), при употреблении в повествовательном предложении сохраняет свое значение; в вопросе она может стоять перед вопросительным наречием как (Так как вы меня любите?)

В соответствии с изложенными критериями в качестве вопросительных в нашей диссертации будут рассматриваться частицы: а, да, или, как, ли, не...ли, неужели, разве, что, что за.

Как отмечалось во введении, в работе не рассматриваются сочетания: что если, не правда ли, а что, а ну как, что же и др., так как остается нерешенной проблема синтагматической протяженности частицы, т. е. «проблема отличия составной частицы от соположения

частиц как случайного, так и вероятностного» (Николаева, 2000, с. 315).

Р.П.Рогожникова предлагает относить единицы, имеющие признаки слова и устойчивого сочетания, к эквивалентам слова. Она отмечает, что «сочетания воспринимаются как единое целое и равнозначны слову, выполняя в речи такую же функцию, как и неизменяемые слова – наречия, предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, но не являются словами, так как сами состоят из двух или нескольких слов, знаменательных и служебных» (Рогожникова, 1998, с. 132).

Изучение сочетаний, эквивалентных слову, ведется рядом авторов¹², но такие сочетания не являются предметом настоящего диссертационного исследования.

¹² Нам представляется интересной работа Е. В. Визгиной, предметом рассмотрения в ней стали частицы, в состав которых входит компонент что (см. Библиографию).

1.2. Контекст как сфера функционирования языковых единиц.

1.2. 1. Контекст как лингвистическое явление.

Слово контекст происходит от латинского *contextus*, что значит «сплетение, соединение». Впервые слово контекст зафиксировано в «Новом словотолкователе» Николая Яновского (1804). В толковых словарях современного русского языка оно определяется как «связное словесное целое по отношению к входящему в него определенному слову или фразе» с пометой филол.(СУ) или «законченный в смысловом отношении отрезок письменной речи, позволяющий установить значение входящего в него слова или фразы» (МАС).

Надо взять фразу в контексте, и тогда она станет понятной.

В последнее время слово контекст часто употребляется в таких словосочетаниях, как «контекст эпохи», «контекст исторического момента», «в контексте событий», «в контексте творчества Пушкина» и др. Значение слова контекст в таком словесном окружении можно определить как «некоторое целое, единство чего-либо (обстоятельств, явлений или представлений)» (Иванова, с. 40), т. е. слово контекст перешло из терминологической системы в общеупотребительный язык.

Термин «контекст» часто используется в лингвистической литературе, однако в него «вкладывается сейчас столько разнообразных смыслов, выделяется столько его видов и разновидностей, что сама только систематизация соответствующих словоупотреблений может составить отдельную задачу. Пишут о контекстах словесных и речевых, структурных и функциональных, внешних и внутренних, о контекстах ситуационных, лексико-

семантических и семантико-синтаксических, о контекстах моносемантизации и актуализации значений, о контекстах указательных и операционных, микроконтекстах и макроконтекстах, контекстах профессиональных, специальных, даже о «контекстах культуры» (В. И. Кодухов, цит. по Шведова, 1982, с.144).

При анализе семантики отдельных языковых единиц исследователи обращаются к понятию лингвистического контекста. «Лингвистический контекст есть фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы, являющегося непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста. Иначе говоря, контекст есть фрагмент текста минус определяемая единица» (Большой энциклопедический словарь. Языкознание. С.238). Приведенный в словаре пример (в тексте «Летайте самолетами Аэрофлота» для слова «летайте» контекст – «самолетами Аэрофлота» и т. п. С. 238) показывает, что избранная единица не включается в контекст, что противоречит первой части предложенного определения.

Представляется, что нельзя контекстом считать лишь вербальное окружение изучаемой единицы, так как наряду с другими словами, входящими в избранный фрагмент текста, и сама характеризует этот контекст и участвует в создании его целостного смысла. «Большинство семантических единиц находится в связи с другими единицами, и поэтому значения этих единиц часто могут раскрываться только благодаря связи с другими единицами» (Колшанский, с. 15).

Итак, лингвистический контекст можно определить как часть текста, необходимую и достаточную для всесторонней характеристики семантики избранной языковой единицы.

Любая языковая единица представляет собой элемент реальной коммуникации, однако «коммуникативный аспект семантики единиц не равнозначен таким категориям, как реляционное и субстанциональное содержание языковых единиц» (Колшанский, с.27), поэтому понятия лексической и синтаксической семантики отличаются от понятия контекстной семантики.

Как отмечалось во введении, современное языкознание характеризует подход к изучению языка в его реальном функционировании, что стало причиной активной разработки теории контекста, так как коммуникация осуществляется через контекст. Исходя из принципиального обоснования языка как средства коммуникации, В. Я. Мыркин предлагает использовать понятие коммуникативного контекста, определяя его как организацию средств, организацию контекстов и опору на контексты, вербальные и невербальные, для передачи (и восприятия) смысла сообщения. «Смысл отличается от значения актуальным, творческим и личностным характером» (Мыркин, с. 97). Коммуникативный контекст, по В. Я. Мыркину, образуется совокупностью подчиненных ему контекстов. Это:

- 1) лингвистический контекст;
- 2) паралингвистический контекст (мимика, жесты);
- 3) ситуативный контекст (субъективная ориентация «здесь – теперь – я – система»);
- 4) контекст культуры;
- 5) психологический контекст (предварительное знание собеседниками реалий, касающихся друг друга).

«За исключением лингвистического контекста, другие контексты извлекаются, как правило, аналитическим путем и допускают вариативность толкований» (Мыркин, с.97-98).

Использование понятия коммуникативного контекста позволяет глубже проанализировать избранную языковую единицу, но произвольность интерпретации коммуникативных контекстов может уменьшать объективность описания. В данном исследовании мы опираемся на лингвистический контекст и при необходимости (в некоторых случаях) обращаемся к понятию коммуникативного контекста.

При проведении контекстуального анализа лингвисты часто привлекают микроконтекст, или минимальный контекст, и макроконтекст, или максимальный контекст. При этом микроконтекст понимается как минимальное окружение единицы, в котором она, включаясь в общий смысл фрагмента, реализует свое значение, а макроконтекст – как окружение исследуемой единицы, позволяющее установить ее функцию в тексте как целом. «Границы микро- и макроконтекста не могут быть детерминированы заранее; они зависят как от исследуемой единицы, так и от целей исследования» (ЛЭС, с. 238). В нашем исследовании минимальными контекстами для вопросительных частиц являются вопросительные высказывания, в которых они употребляются, а максимальными – части текста, необходимые для понимания ситуации в целом.

Одним из свойств текста является его линейное развертывание, что делает необходимым выделять левый и правый контекст. Языковая единица может указывать на существование некоторого контекстного отрезка, расположенного вправо или влево от основного высказывания, т. е. выполнять анафорическую или катафорическую функцию.

Я тебе говорил. Только ты меня не слушал. /Левый контекст/

Вот разговаривают они. И вдруг шорох какой-то. /Правый контекст/

Контекст бывает эксплицитный, т. е. явно выраженный как вербальными, так и невербальными средствами (мимикой, жестами, телодвижениями), и имплицитный, т. е. явно не выраженный.

Понятие имплицитного контекста непосредственно связано с теорией пресуппозиций (лат. *prae* + *suppositio* – предположение). Пресуппозиции стали важным инструментом описания семантики частиц. Так, Т.А.Яцюк анализирует группу ограничительных частиц, используя метод синонимической перефразировки высказываний на уровне пресуппозиций, и на его основе выявляет общие и различные перифрастические смыслы для каждой описываемой частицы.

В теории пресуппозиций рассматриваются семантические свойства информации, содержащейся в разных элементах предложения, но «выделяется несколько типов пресуппозиций, количество и наименование которых не совпадают у разных авторов» (Арутюнова, с. 87). Объединяющим компонентом разных типов пресуппозиций является их отношение к отрицанию: пресуппозиции «не подвергаются отрицанию в общеотрицательных предложениях» (ЛЭС, 1990, с.396).

В нашем исследовании пресуппозиция понимается как «представление говорящего о степени осведомленности адресата, которое побуждает его прибегать к определенной актуализации предложения» (Арутюнова, с.89)

Некоторые вопросительные частицы могут употребляться в контекстах, включающих в себя конструкции разговорной речи, которые - вслед за Н. Ю. Шведовой - мы определяем как «стабилизовавшиеся построения, с одной стороны, лексически свободные, с другой стороны, такие, в которых черты собственно грамматические выступают в неразрывном единстве с чертами лексико-фразеологическими» (1960,с.9) (Например, конструкция,

содержащая личное местоимение в дательном падеже + частица *ли* + инфинитив, выражает уверенность говорящего в невозможности действия для субъекта, выраженного личным местоимением. Аркадина. Оставайся-ка, старик, дома. Тебе ли с твоим ревматизмом разъезжать по гостям? А.П.Чехов¹³) Такие контексты мы предлагаем определять как связанные, так как они воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава.

Итак, по нашим наблюдениям, при обращении к анализу частиц важно разделять следующие типы контекстов.

Лингвистический	Нелингвистический
минимальный - максимальный	паралингвистический
левый - правый	ситуативный
связанный - несвязанный	психологический
эксплицитный - имплицитный	

1.2.2. Функционирование языковых единиц в контексте.

Интересные наблюдения были сделаны над функционированием в контексте однозначных слов. Их лексические значения представляют собой иерархию признаков: от основных существенных признаков до производных, логически выводимых из основных. Признаки также могут быть постоянными и вероятностными (Стернин, 1982, с.130). Например, слово «стол» в словаре

С.И.Ожегова определяется как «предмет мебели в виде широкой горизонтальной доски на высоких опорах, ножках». Семы «предмет

¹³ Подробнее см. п.2.2 и п.2.6

мебели», «наличие широкой горизонтальной доски», «наличие ножек» представляют собой основные и постоянные признаки значения. Сема «твердая поверхность», по нашему мнению, является постоянным производным признаком значения. Вероятностными производными признаками будут «круглая форма», «деревянная поверхность».

Все признаки лексической единицы не реализуются в полном объеме, так как в зависимости от контекстуальных условий в конкретном употреблении реализуется тот или иной актуальный смысл. Возьмем такой пример. Композитор – «автор музыкальных произведений»: Петя прекрасно знает теорию музыки – ведь он композитор. Слово «композитор» в данном контексте реализуется в смысле «имеющий музыкальное образование», что является производным вероятностным признаком значения¹⁴.

Закономерности, выявляемые при анализе значений однозначных слов, в некоторой степени проявляются и при описании служебных слов: предлогов, союзов, частиц. Однако в отличие от однозначных лексем описание частицы требует рассмотрения большего ряда факторов, таких как связь с коммуникативной организацией смысла высказывания, с типом речевого акта, с интонационным контуром предложения и др.

¹⁴ Подробно проблема «многозначности» слова рассмотрена И. М. Кобозевой («Лингвистическая семантика», М., 2000)

1.2. 3. Частицы и контекст.

Абстрактность значения частиц не позволяет проводить их описание иначе как с применением данных контекстуального анализа. Частицы обретают четко очерченную семантику именно в контексте. Их значения очень разнородны и подвижны.

Способствуя включению предложения в контекст, частицы, в свою очередь, сами нуждаются в контексте. В ряде исследований отмечается, что их связь с контекстом неодинакова (Николаева, 1985; Стародумова, 1990 и др.) Такие частицы, как *ведь*, *вот*, *вот и*, *же*, *ну* нуждаются в расширенном контексте (или, по терминологии Т.М.Николаевой, у них есть установка на контекст). Для определения значения частиц *только*, *лишь*, *даже*, *именно* и других достаточно минимального контекста. Некоторые частицы могут употребляться обособленно, т. е. составлять предложение (*разве*, *да*, *почти* и др.)

В зависимости от реализуемых в контексте значений той или иной частицы, контекст может предстать в виде развернутого высказывания, в котором модальные значения, вносимые частицей, уже выражены другими средствами. Языковая избыточность наблюдается в следующем примере:

-...Кстати, сообщаю вам, что у Тани совершенно другая фамилия, а Томилина – это псевдоним. – Что вы говорите? – удивленно воскликнул Дорогань. – Неужели псевдоним? Я и не подозревал. А. Маринина

Частица *неужели* употребляется тогда, когда говорящий предполагает, что некое положение вещей может не иметь места в действительности. В приведенном примере частица реализует

модальное значение удивления. Это значение уже выражено в контексте наречием удивленно и риторическим вопросом «Что вы говорите?».

Контекст может определенным образом проявлять то или иное значение частицы, другими вербальными средствами не выраженное.

1) – О ком вы говорили? О Надежде Ивановне? – Разве ты ее знаешь?
– Да, уже много лет. 2) – Я не хочу, чтобы Надежда Ивановна приходила к нам в дом. – Не говори так. Разве ты ее знаешь? Она такой умный тонкий человек!

В первом примере частица разве вносит в высказывание значение удивления, так как говорящий был убежден, что собеседник не знаком с объектом речи. Во втором примере с частицей разве под внешней формой вопроса скрывается экспрессивно выраженное отрицание. Глагол знать выступает в двух значениях: «быть знакомым с кем-н.»(1) и «обладать знанием кого-чего-н., иметь о ком-чем-н. понятие, представление»(2).

Таким образом, определение семантики высказывания с частицей требует проведения анализа коммуникативного контекста, в котором выступает данная частица.

В ряде контекстов частицы могут употребляться изолированно, в качестве реплики диалога, что приводит к относительной независимости значения частицы.

Г. ... Очень не нравится Елена/ очень не нравится эта Калинина// Т.
Да? Г. Просто ужасно// Она такая деланная/ такая манерная...
(Русская разговорная речь: Тексты).

Частица да не носит вопросительного характера в данном контексте. Скорее ее значение реализуется в прагматике – говорящий показывает, что он внимательно слушает собеседника.

Итак, частицы обретают соответствующую семантику именно в контексте, контекст позволяет содержательно интерпретировать описываемые единицы, выявляет конкретное значение абстрактного слова. В процессе исследования определенные наблюдения могут быть сделаны и над контекстом как «равноправной семантической единицей, участвующей в порождении фразы» (Колшанский, с.24).

1.3. Типология вопросительных предложений.

Вопросительные предложения выражают «стремление говорящего узнать что-либо или удостовериться в чем-либо» (Русская грамматика, т.2, с.386), они характерны для диалога: вопрос предполагает ответ собеседника и дополняется им.

В исследованиях, посвященных изучению явления вопросительности, приводятся различные классификации типов вопросов: по формальной устроенности и по их общему значению. Несмотря на то, что типология вопросительных предложений чрезвычайно широка и разнообразна, сведения о семантике вопросительных предложений недостаточно четко соотнесены с их формальной классификацией, не выработан единый терминологический аппарат при обозначении различных типов вопросительных предложений, что тормозит их дальнейшее изучение.

Как известно, в выражении вопросительности главная роль принадлежит интонации, вопросительным местоименным словам, вопросительным частицам. Использование разных средств передачи вопросительного значения позволяет все вопросительные предложения разделить на две группы: местоименные и неместоименные.¹⁵ В местоименных вопросительных предложениях вопросительность выражается вопросительными местоимениями или наречиями, а ответ на них содержит запрашиваемую информацию. Вопросительность в неместоименных вопросительных предложениях выражается интонацией и/или вопросительными частицами, в качестве ответов на эти вопросы служат частицы да (для подтверждения) и нет (для отрицания). Данные положения,

¹⁵ Такое деление вопросов встречается еще у Л. Водовозова, опубликовавшего свою работу еще в 1869 году.

отраженные в работах А. Н. Гвоздева, В. А. Белошапковой, И.М.Кобозевой, стали общепринятыми, однако анализ вопросительных предложений с вопросительными частицами показал, что в реальной коммуникации ответ на эти вопросы не может ограничиваться частицами да и нет (а часто и вовсе не содержит эти частицы). Адресат в своем ответе разъясняет, почему предположения или ожидания говорящего соответствуют или не соответствуют действительности.¹⁶

В «Русской грамматике» впервые была разработана типология вопросов, построенная с учетом их роли в акте коммуникации: в ней были выделены и описаны функционально-семантические типы вопросительных предложений, объединяемые на основе их первичных и вторичных функций (Т.П, с.394). Мы приводим основные положения этой концепции, но дополняем их работами современных авторов.

В своих первичных функциях вопрос направлен на поиск информации, т. е. на получение ответа; во вторичных функциях он направлен на передачу, на непосредственное сообщение о чем-либо.

Первичные функции вопросительных предложений основываются на: 1) характере и объеме той информации, которая должна быть получена; 2) осведомленности говорящего о том, что спрашивается; 3) ожидаемом ответе. «Одно и то же вопросительное предложение включает в себе весь комплекс соответствующих характеристик» (С.394).

1) В зависимости от характера и объема ожидаемой в ответе информации вопросы делятся на общевопросительные и частновопросительные. Общевопросительные предложения направлены на получение информации о ситуации в целом.

¹⁶ Подробный анализ вопросительных предложений с вопросительными частицами представлен во второй главе

Так ехать за детьми? (Л. Н. Толстой); Что в газетах пишут?

Частновопросительные предложения заключают вопрос об отдельной стороне какого-либо факта, о деятеле, о признаке, о тех или иных обстоятельствах и т. п.

В Москву ли вы ездили? Кто читал лекцию?

Иногда выделенные термины используются в лингвистической литературе в другом значении. Так, В. А. Белошапкина относит к общевопросительным все местоименные вопросы, а к частновопросительным – все местоименные.

2) В зависимости от осведомленности говорящего о том, что спрашивается, вопросительные предложения делятся на: собственно-вопросительные, неопределенно-вопросительные и констатирующе-вопросительные.

а) Собственно-вопросительные предложения отражают полную неосведомленность спрашивающего.

Куда вы идете? Что это за план? Принимает ли врач по понедельникам?

Во многих исследованиях (П. Рестан, И. П. Распопов и др.) такой тип вопросов описан как информативный.

б) Неопределенно-вопросительные предложения совмещают вопрос с догадкой, предположением, неуверенностью, сомнением. И. П. Распопов, А. М. Визгина, Ю. В. Ковалев и другие относят такие вопросы к предположительным.

Не меня ли вы ждете?; Ты не хочешь мне рассказывать? Или мы больше не друзья?

в) Констатирующе-вопросительные предложения совмещают вопрос с почти полной уверенностью, с утверждением. П. Рестан называет такие вопросы презумптивными, а Ю. В. Ковалев – удостоверительными.

Ты завтра уезжаешь, да? Он ведь влюблен в тебя, не так ли? Значит, ты хочешь стать экономистом?

3) В зависимости от ожидаемого ответа вопросительные предложения делятся на две группы.

а) Предложения, требующие ответа-подтверждения или ответа-отрицания, т. е. ответа о соответствии или несоответствии действительности.

- В отпуск уходите? – Нет еще. – Хорошо ли вам здесь? – Да.

Ряд исследователей выделяют так называемые фокусированные общие вопросы (по терминологии Кифера), допускающие ответ «да», но требующие дальнейшего разъяснения в случае отрицательного ответа (Булыгина, Шмелев, с.114)

- Сегодня среда? – Нет, четверг; Ваш ребенок учится в школе? – Нет, ему еще нет семи лет.

Напротив, экзистенциальные вопросы обычно допускают ответ «нет», но требуют полного ответа в случае подтверждения (Булыгина, Шмелев, с. 114).

У тебя есть машина? Да, «Жигули»; Ко мне кто-нибудь приходил? Да, твоя сестра.

б) Предложения, требующие в ответе информации, сообщения о том, что спрашивается.

- Куда вы едете? – В Петербург. – Какого цвета ты платье купила? – Красное.

В «Русской грамматике» отмечается, что существуют две группы предложений, занимающих особое положение с точки зрения ожидаемого ответа (Т.2, с.395).

1) Вопросительные предложения со словами много, мало, далеко, близко, часто, редко, давно, недавно, скоро, нескоро и другими словами максимально обобщенных значений, в одних конситуациях

требуют ответа-подтверждения или отрицания, в других – ответа, содержащего конкретную информацию о том, что спрашивается.

- Ты давно его знаешь? – Нет. – Давно ты женился? – Год назад.

2) Предложения с местоименными словами, выражающие желание получить информацию о том, что вызывает беспокойство, опасение. Это вопросы-раздумья или вопросы о будущем.

Что-то он делает сейчас? Где-то он теперь? и т. п.

Такие вопросы говорящий часто ставит перед самим собой¹⁷. Ответы на них имеют характер догадок, предположений или констатации невозможности получить информацию.

Неизвестность о судьбе Марьи Ивановны пуще всего меня мучила. Где она? что с нею? успела ли спрятаться? надежно ли ее убежище?.. Полный тревожными мыслями, я вошел в комендантский дом... (А. С. Пушкин)

По нашим наблюдениям, такие вопросительные предложения могут иметь в своем составе не только местоименные слова, но и вопросительные частицы.

Есть ли у России будущее? Неужели не вернется назад то золотое время?(«Комс. правда»)

Очень часто вопросительные предложения направлены не на получение информации, а на ее передачу, при этом всегда выражают модально-экспрессивные значения. В «Русской грамматике» выделено шесть случаев, когда вопрос употребляется в своих вторичных функциях (Т.2, с. 395).

1) Вопрос, в котором заключено уверенное экспрессивно окрашенное утверждение.

¹⁷ И. П. Распопов, П. Рестан определяют их как рефлексивные. (Распопов, с.29; Рестан, с.113).

Разве мы, писатели, не были свидетелями жизни и деятельности великих борцов за мир?; Это ли не свидетельство подлинной демократии?

2) Вопрос, в котором заключено уверенное экспрессивно окрашенное отрицание.

Разве он может выучить английский язык? У него нет никакого терпения. Неужели так можно жить?

Кто в силах удержать любовь? (А. С. Пушкин)

3) Вопрос-уяснение, повторяющий словесный состав предшествующей реплики, имеет эмоциональную окраску удивления, недоумения, беспокойства, неодобрения.

- Чего ты хочешь? – Чего я хочу?.. Я не знаю. (М. Горький)

- Да что же делать? - Бежать. – Бежать? Как? (Л. Н. Толстой)

4) Вопрос-побуждение к совершению действия или к прекращению действия.

Не передадите ли мне ручку? Да перестанете ли вы наконец так кричать?

5) Вопрос, выражающий эмоциональную реакцию говорящего: эмоциональную констатацию факта, оценку, отношение и т. д.

Как вам не стыдно? Что за бред вы несете? Ты что, учить меня вздумал?

б) Вопрос, имеющий целью активизировать внимание, заинтересовать, обратить внимание на форму выражения мысли.

И что же бы вы думали? Этой, можно сказать, блистательной фразе приятель мой обязан был местом! (М. Е. Салтыков-Щедрин).

В лингвистических исследованиях и учебных пособиях часто используется термин риторический вопрос, но одни авторы (А.Н.Гвоздев, Е. М. Галкина-Федорук) понимают его только как утверждение в форме вопросительного предложения, другие – только

как отрицание (Русская грамматика), третьи – и утверждение, и отрицание, выраженное в форме вопроса (Г. В. Валимова, Г.Я.Солганик и др.)¹⁸ В нашем исследовании под риторическими будут пониматься вопросы, употребляемые при выражении эмоционального утверждения, эмоционального отрицания, как средство активизации восприятия собеседника, или вопросы, не предполагающие ответа (см. выше п.1, 2, 5, 6).

Функционально-семантические типы предложений с вопросительными частицами представлены в Приложении №1. Рассматриваемые в настоящем исследовании разговорные частицы *а*, *да*, *как*, *что* образуют вопросительные слова-предложения, характеризующиеся «синтаксической нерасчлененностью и неспособностью распространяться при помощи пояснительных слов» (Современный русский язык, с.525); их содержание обусловлено интонацией и контекстом, что не дает возможности включать их в рассмотренную выше типологию вопросов.¹⁹

Итак, функционально-семантическая классификация вопросов, предложенная в «Русской грамматике», отражает накопленные наблюдения над вопросительными предложениями. Для дальнейшего исследования вопросительных предложений необходимо упорядочить использование имеющихся терминов и понятий, что позволит точнее отразить новые лингвистические наблюдения.²⁰

Несоответствие между формальным строением предложения и его коммуникативным назначением может быть связано с прагматическими факторами. Так, вопросительные предложения

¹⁸ Г. А. Золотова считает, что риторические вопросы должны «в модальном плане рассматриваться так же, как и повествовательные» (Очерк функционального синтаксиса русского языка).

¹⁹ Мы не можем согласиться с точкой зрения О. В. Пруссовой, рассматривающей слова-предложения как особую часть речи (на материале немецкого языка). Слова *а*, *да*, *как*, *что* (ja, nein, wircklich и т.д.) выполняют особую синтаксическую функцию, однако сохраняют основные признаки частиц.

²⁰ Общая концепция семантики вопросительных предложений, построенная на примере общевопросительных предложений, представлена в исследовании А.Н.Баранова, И.М.Кобозевой (1983)

могут употребляться «для возбуждения и поддержания внимания слушателя (контактоустанавливающая функция, нередко осложненная указанием на важность последующего сообщения)» (Булыгина, Шмелев, с.112)

Представляешь? Иван Иванович уходит на пенсию;

- Вот што, Марфутка, я надумал! Женю-ка я на тебе етова балбеса с желтыми лампасами. Вижу по тебе – сделаешь из него казака! Ты поглянь на женишка! А? Чисто принц из сказки, что белесый, так в Трутновых пошел, а кучерявина в волосах моя. (Ю.Сергеев)

Вопросительные предложения часто используются, чтобы показать, что слушатель внимательно относится к сообщению собеседника: Неужели? Да? Вы находите? Правда? и др. Такие вопросы выполняют функцию поддержания контакта.

«Другим вариантом использования вопросов в функции фатической метакоммуникации являются «контролирующие» реплики, завершающие сообщение» (Булыгина, Шмелев, с.112).

- Очень скоро, - сказал Геннисон, надевая пальто и беря шляпу. – Итак, недели две, не больше, осталось нам ждать. Да? – Да, так, - ответила Джен не очень уверенно, хотя с веселой улыбкой. (А.Грин)

Вопросительное по форме предложение может быть резким возражением на предыдущую реплику собеседника.

Да кто его презирает? – возразил Базаров. (И. С. Тургенев)

Таким образом, изучение прагматических функций вопросов позволяет объяснять факты их употребления в тексте, составить более полную типологию вопросительных предложений.

ВЫВОДЫ

1. Вопросительные частицы являются носителями инвариантного значения – вопросительного; передают различную степень (не)уверенности говорящего в достоверности происходящего; не могут использоваться в повествовательных предложениях или при использовании приобретают иные модальные значения; функционируют в структуре неместоименного вопроса и не могут употребляться в вопросительном предложении с вопросительными местоимениями или наречиями.
2. Частицы служат для выражения субъективного отношения говорящего к сообщаемому. Отношения возникают и формируются всегда на определенном фоне, в определенной ситуации. Общее значение частиц может быть определено как усилительное, выделительное, акцентирующее, так как все частицы усиливают, выделяют, акцентируют некоторую часть сообщения (и соответственно - часть текста). Но частицы в зависимости от собственного лексического значения актуализируют разные виды отношений, что отражается в коммуникативном контексте данной частицы.
3. Высокая абстрактность значений частиц часто не позволяет четко отделить значение самой частицы от значения контекста, в котором она употребляется, что обуславливает важность поставленной в исследовании задачи – охарактеризовать связь и соотношение семантики вопросительных частиц с минимальным и максимальным контекстом.
4. Наиболее продуктивным является изучение вопросительных частиц как группы слов, имеющих общие свойства, и детальный анализ отдельных частиц, т.е. рассмотрение каждого слова как носителя общего и частного значения.

5. Собранный материал показал значимость для классификации контекстов набора признаков, связанных как с формальными характеристиками включенных текстов, так и с их коммуникативными характеристиками. Учитываются следующие признаки:

- вид текста: монолог, диалог;
- конструктивные элементы высказывания с частицей;
- • коммуникативное назначение вопроса;
- • степень осведомленности говорящего;
- характер ожидаемого ответа.

При этом приходится учитывать сложность и неоднородность анализируемого материала, что иногда делает необходимым выделение дополнительных факторов, имеющих существенное значение при определении того или иного типа контекста.

ГЛАВА II. ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ И КОНТЕКСТ.

2.1. Контекстная среда частиц.

Контекст есть компонент семантической системы языка и форма ее существования. Контекст реализуется в конкретном речевом фрагменте; а контекстуальные связи слов определяют необходимую однозначность речевого акта, что является обязательным условием успешной коммуникации. Слово не может функционировать изолированно, вне его «окружений в их взаимодействиях и взаимозависимостях» (Шведова, 1982, с. 143).

Существенным представляется вопрос: возникает ли значение слова в контексте или сам контекст определяется значением входящих в него составляющих? Нам представляется, что не может быть однозначного ответа на этот вопрос. Нельзя абсолютизировать ни одну, ни другую составляющую. Выбор языковых единиц на этапе формирования высказывания определяется всем его будущим контекстом. Соответственно «контекст участвует в порождении фразы как равноправная семантическая единица наряду со значениями лексем и грамматических форм» (Колшанский, с. 24).

Это позволяет дать комплексное описание слова на основе анализа разных типов контекстов с учетом внутренних свойств слова и условий его существования. Это описание можно назвать «показом контекстной среды слова, контекстной системой, репрезентирующей такую среду. Для разных классов и групп слов такие контекстные системы оказываются различными» (Шведова, 1982, с. 145).

Как было показано в первой главе настоящего исследования, частицы представляют собой неоднородный и многофункциональный разряд слов; их описание, по общепризнанному мнению, должно

иметь комплексный характер и должно опираться на показ контекстной среды анализируемого слова.

Наряду со словесно-грамматическим материалом средством формирования контекста является интонация, поэтому без изучения интонации лингвистический анализ нельзя считать полным, исчерпанным. Нерешенным остается вопрос, как «в совокупном смысловом эффекте частиц и акцентно-просодических средств отделить вклад лексического от просодического» (Кобозева, 1991, с.161). В то же время несомненно, что основой предложения является его словесно-грамматическая структура, «интонация сама по себе,

т.е. вне словесного содержания, вне отношения речи к действительности, мысли не выражает. Без слов она может быть выразительной, но не является содержательной, т. е. не служит материальной оболочкой мысли» (Грамматика русского языка, 1954, т. II, ч. 1, с. 77).

Объем и цели данного исследования не позволяют осуществить детальное изучение интонации, требующее экспериментального описания, поэтому мы воспользуемся уже имеющимися положениями.

Описание каждой вопросительной частицы в разнообразных контекстах, осуществленное в данной главе, строится по единой программе.

1. Лексикологическое и грамматическое описание слова, фиксация его вариантов.
2. Анализ синтаксических свойств частицы. Вопросительные частицы закреплены за определенными позициями в предложении: частицы могут соотноситься с предложением в целом или с его частью – членом предложения или синтагмой.

3. Определение функционально-семантических типов вопросительных предложений, в которых употребляется частица. Рассматриваемые вопросительные предложения представляют собой минимальные контексты для описываемого слова.
4. Выявление и характеристика коммуникативных контекстов, участвующих в конкретизации значений частицы.
5. Выводы о семантических и прагматических функциях частицы.

Частицы *ли*, *не...ли*, *или*, *что* за описаны отдельно. Частицы *разве* и *неужели* рассмотрены вместе, так как их значения очень близки и их часто называют синонимами (См. Приложение №2). Это определило необходимость сравнительно-сопоставительного анализа данных слов в одном параграфе.

Описание частиц *а*, *да*, *как*, *что* также объединено, так как, являясь семантически близкими словами, они обнаруживают ряд свойств именно при сопоставлении. Определение этих частиц как разговорных является в некоторой степени условным и основано на пометах толковых словарей, так как все частицы употребляются в основном в разговорной речи. Как отмечает Е. А. Земская, частицы в разговорной речи «обладают самой высокой частотностью из всех незначительных слов» (1987, с.91).

В настоящем исследовании мы подробно не рассматриваем особенности функционирования частиц в разговорной речи, так как «в сфере морфологии разговорная речь имеет меньше отличий от кодифицированного литературного языка, чем в синтаксисе, фонетике и словообразовании» (Русская разговорная речь, 1983, с.80).

2.2. Частица ли.

2.2.1. Лексико-грамматическое описание.

Сфера функционирования частицы ли чрезвычайно широка: она употребляется во всех стилях речи и занимает 14 место среди частиц по частотности употребления. В «Частотном словаре русского языка» под ред. Л. Н. Засориной зафиксировано 1160 ее употреблений.

В толковых словарях современного русского языка отмечается, что ли является вопросительной частицей в прямых и косвенных вопросах.

Придешь ли ты?; Велико ли различие между боксом любителей и профессионалов? («АиФ»); Смотрю, нет ли кого на дворе. Н. С. Лесков. – Вы хотите знать, – произнес я твердым голосом, – нравится ли мне ваша сестра? (И. С. Тургенев)

Частица ли может употребляться в диалогической речи при повторе вопроса собеседника перед тем, как на него ответить.

А. – Вы поедете в Москву? Б. – Поеду ли я в Москву? Я еще не решил.

Частица ли в подобных примерах обязательна, такие предложения «находятся на грани между прямым и косвенным вопросом» (Рестан, с.123), но если говорящий повторяет не весь вопрос, то частица ли не употребляется.

А. – Вы поедете в Москву? Б. – В Москву? Я еще не решил.

В народнопоэтической речи (обычно в обращениях) частица ли не имеет определенного значения (СУ), а выделяет то слово, к которому она относится.

Ты река ли моя, реченька, течешь, не колышешься.

Частица ли омонимична условно-уступительному союзу ли.

Придет ли ночь и мрак печальный, - идем к дороге столбовой. (М. Ю. Лермонтов).

В словарях также зафиксирован разделительный союз ли – ли или ли – или.

Не знаю, куда отправить тебе деньги, в Москву ли, в Волоколамск ли, в Калугу ли. (А. С. Пушкин); Вся великая жизнь, чувствуешь, притаилась рядом, и ты невольно представляешь хозяина, влюбленного единожды и навсегда в это свое имение, и думаешь о возвышенной поэтичности сего дворянского гнезда. И знаешь, что именно оно вдохновляло Тургенева, создавшего здесь ли, за границей или в Санкт-Петербурге, однако с постоянной памятью о Спасском, неумирающие образы русской природы, русского быта, русских характеров...(Н. Рогов)

Частица ли употребляется в составе некоторых выражений, первоначально бывших вопросительными, а потом потерявших такое значение, например: вряд ли, едва ли, едва ли не, чуть ли не (СУ).

Частица ли в сочетаниях: веришь ли, видишь ли, понимаешь ли также не является показателем вопросительности. Такого рода обороты, выступающие в функции вводных слов, «возникшие из полноценных вопросительных предложений, являются в современном языке реликтами более широкого узуса частицы ли, т. е. свидетельствуют о более свободном употреблении этой частицы в прошлом» (Рестан, с.120).

Страна холмов... Знаете ли, прямо-таки как зеленые океанские гребни – эти холмы в бескрайнем русском Подстепье. Удивительно свободно! (В. Рогов).

Частица ли входит в состав некоторых фразеологизмов, что зафиксировано во «Фразеологическом словаре русского языка»:

долго ли до греха; слыханное ли дело; то ли дело; так ли, сяк ли; шутка ли.

Например, выражение шутка ли «подчеркивает важность, значительность или трудность, сложность, серьезность чего-либо» (С.536).

Анна Павловна. – Жаль бедной Федосьи Петровны: осталась с деточками на руках. Шутка ли: пятеро, и все почти девочки! (И.А.Гончаров)

Фразеологизм мало /ли/ что имеет значение:

1. «что из того; неважно, не имеет значения». (С.236)

Буланов (Карпу): Что ж, ты набил мне папиросы? /Карп:/ Никак нет-с. /Буланов:/ Отчего же нет? Ведь я тебе велел. /Карп:/ Мало ли что велели! А когда мне? (А. Островский)

По нашим наблюдениям, последний компонент этого фразеологизма что является факультативным: на его месте в других контекстах могут быть местоимения и наречия: кто, как, какой, где, когда.

А вот в некоторых ситуациях я просто отказываюсь знать, чего хотят женщины. Например, каких подарков они от меня ждут к дням рождения. Мало ли у кого какие фантазии? А у меня свои взгляды на подарки. («Комс. правда»)

Фразеологизм мало ли что может иметь и другое значение:

2. «всякое может случиться; на всякий случай»
(Фразеологический словарь русского литературного языка, с.209)

Подхалюзин. ... А теперь такие обстоятельства – мало ли что может произойти из всего этого. Большов. А что такое может произойти? Я один в ответе. (А. Н. Островский)

2.2.2. Синтаксические свойства.

Частица ли всегда примыкает справа к тому слову, к которому она относится, и, следовательно, не может находиться в предложении на первом месте.

Занимаетесь ли вы спортом?; Игорь Константинович, сильно ли отличается киношный Трианон от настоящего? В фильме его звали, кажется, Зубов... («Комс. Правда»); Подхалюзин. А много ли вам требуется? Рисположенский. Дайте три целковеньких.
(А.Н.Островский)

Частица ли может менять свою позицию в предложении вместе с тем словом, к которому относится.

Читала ли Надя эту книгу? Надя читала ли эту книгу? Эту книгу Надя читала ли?

Частица ли может относиться только к знаменательному слову и не может стоять после служебного. Обычно частица ли занимает позицию после логически выделяемого предиката, начинающего вопросительное предложение.

Узнал ли ты меня? – спросил я его, - мы с тобою старые знакомые.
(А. С. Пушкин)

По наблюдениям И. А. Киселева, обратный порядок слов «соблюдается лишь тогда, когда частица ли примыкает к сказуемому, в остальных случаях – прямой порядок слов» (Киселев, с.89) Мы не можем согласиться с данным положением. Прямой порядок слов не является обязательным в предложениях с частицей ли независимо от того, к какому слову она относится.

-Надолго ли снят с повестки дня вопрос о вотуме недоверия правительству? («Комс. Правда») Сколько лет вы уже ждете крышу над головой? Каковы перспективы? Всегда ли справедливо распределяются квартиры? («АиФ») Сам-то боялся ли? Все-таки большой человек. (Т. Толстая)

При препозитивном положении предиката логическое и фразовое ударения могут не совпадать, что отмечали И. П. Распопов, П.Рестан.

Ср. Был ли Ковалев в марте в Москве? (а не кто-то другой); Был ли Ковалев в марте в Москве? (а не в другом городе); Был ли Ковалев в марте в Москве? (а не в январе).

В приведенных примерах частица ли эксплицитно сигнализирует интеррогативность, а логическое ударение уточняет характер вопроса. Если изменить вопросы так, что частица ли будет стоять после выделенного логическим ударением слова, в высказывании появится значение сомнения, которое испытывает говорящий, задавая вопрос.

Ср. Ковалев ли был в марте в Москве? В Москве ли был Ковалев в марте? В марте ли был Ковалев в Москве?

Так как порядок слов в русском языке тоже участвует в логическом выделении, то положение частицы ли после логически выделяемого слова, начинающего вопрос, является наиболее частотным.

Для большинства частиц характерна функция связи между предложениями в тексте, что, по нашему мнению, справедливо и для частицы ли.

У меня дома плохо работают батареи. Существуют ли какие-нибудь нормы температуры воздуха в квартире зимой? («Комс. правда»); - Михаил Борисович, вы специалист по Востоку. Есть ли какая-либо восточная мудрость, которая помогает вам преодолевать все трудности в работе? («Комс. правда»)

В приведенных примерах говорящий сначала излагает известный ему факт, на основе которого он и строит свое предположение, выраженное общим вопросом с частицей ли.

2.2.3. Минимальные контексты употребления частицы ли.

Частица ли может употребляться в разных с функциональной точки зрения вопросительных предложениях.²¹

Собственно-вопросительное предложение с частицей ли используется, когда у говорящего нет основания предполагать, что одна из двух альтернатив более вероятна, чем другая.

Недавно еще, проезжая через местечко ***, вспомнил я о моем приятеле; я узнал, что станция, над которой он начальствовал, уже уничтожена. На вопрос мой: «Жив ли старый смотритель?» - никто не мог дать мне удовлетворительного ответа. (А. С. Пушкин)

Неопределенно-вопросительное предложение с частицей ли выражает предположение, сомнение, неуверенность говорящего в том, что спрашивается.

Узнал ли ты меня? – спросил я его, - мы с тобою старые знакомые. – Может статься, - отвечал он угрюмо, - здесь дорога большая. (А. С. Пушкин)

В художественной литературе широко представлены рефлексивные вопросы, в которых отражаются внутренние сомнения говорящего в реальности или возможности какого-либо факта. Адресатом выступает сам спрашивающий.

Неизвестность о судьбе Марьи Ивановны пуще всего меня мучила. Где она? Что с нею? Успела ли спрятаться? Надежно ли ее убежище? Полный тревожными мыслями, я вошел в комендантский дом. (А. С. Пушкин)

Вопросительные предложения с частицей ли могут выступать и в своих вторичных функциях, быть направленными на передачу информации.

²¹ См. Приложение №1.

В вопросах, предающих экспрессивно окрашенное отрицание, положительная форма выражает отрицательный смысл.

Платонов. Здравствуйте, ваше превосходительство! Анна Петровна. Жестокий, нелюбезный... Можно ли заставлять ждать себя так долго? Ведь вы знаете, как я нетерпелива? (А. П. Чехов)

Вопросы-уяснения с частицей ли повторяют состав предшествующей реплики и могут передавать удивление, беспокойство, затруднение говорящего.

- Вы хотите знать, - произнес я твердым голосом, - нравится ли мне ваша сестра? Да, она мне нравится... (И. С. Тургенев)

Эмоциональный вопрос с частицей ли отражает эмоциональную реакцию говорящего: оценку, его отношение, констатацию факта.

Платонов. Сергей Павлович! Он ли это? Господи! Где же длинные волосы, блузочка и сладенький тенорок? А ну-ка скажите-ка что-нибудь! Войницев. Я дурандас. (А. П. Чехов)

2.2.4. Типология контекстов с частицей ли.

Вопросительные предложения с частицей ли входят в разные контексты как их составная часть. Мы выделяем 6 основных типов контекстов, понимая, что такое деление является довольно условным.

1) Контекст запроса информации

Контекст запроса информации характеризуется следующими признаками:

- контекст имеет диалогическую форму;
- вопрос с частицей может быть не связан с левым контекстом; частица ли обычно относится к реме;

- говорящий не имеет сведений, на основе которых можно построить предположение;
- адресат в своем ответе предоставляет запрашиваемую информацию;
- вопрос с частицей направлен на получение информации.

. Можно отметить некоторое тяготение частицы ли к обстоятельственным словам, обозначающим время, место, качественную или количественную характеристику: долго, давно, скоро, далеко, правильно, здоров(а, ы) и т.п. Такие вопросы могут быть заменены специальными вопросами со словами когда, где, куда, как.

А. Н. Баранов и И. М. Кобозева справедливо отмечают, что «позитивные ли-вопросы употребляются в том случае, когда говорящий не имеет оснований считать какую-либо из двух альтернатив более вероятной, чем другая», «когда предшествующий опыт говорящего не содержит сведений, на основе которых можно было бы построить предположение», и «говорящий не хочет оказывать давление на адресата» (Баранов, Кобозева, с.267)

- Здравствуй, Максимыч, - сказал я ему. – Давно ли из Белгородской? - Недавно, батюшка Петр Андреич; только вчера воротился. (А. С. Пушкин)

В данном примере вопрос с частицей ли может быть заменен на специальный вопрос «Когда вы приехали из Белгородской?» или на неместоименный вопрос без частицы ли, в котором рема ставится в конце предложения «Из Белгородской давно?» (соответственно изменится и интонация).

- Извините! – сказал Эдип Адуеву, - мы, может быть, помешали вам?.. – Нет! – отвечал Адуев. – Я устал. – Есть ли клев? – спросил

старик Костякова. – Какой клев, когда под руку говорят, - отвечал тот сердито. (И. А. Гончаров)

Вопрос с частицей ли состоит из одной ремы, в смысловом плане частица относится ко всему высказыванию. Заданный вопрос не стал неожиданным для читателя, так как в предыдущих абзацах представлен ситуативный контекст: «...они (Адуев и Костяков) молча удили... Старик и девушка были тут».

2) Контекст интереса

Контекст интереса может быть определен по ряду характерных признаков, а именно:

- контекст имеет диалогическую форму;
- вопрос представлен в виде развернутого высказывания;
- говорящий обладает определенным знанием о предмете разговора;
- вопрос задается с целью получения подробного ответа, не ограничивающегося утверждением или отрицанием;
- говорящий заинтересован в получении информации.

К выделенному типу относится диалогический контекст, состоящий из двух реплик: вопрос – ответ, часто используемый в таких жанрах публицистики, как интервью, а также вопросы читателей в газету и соответствующие на них ответы. Интервью обычно берут у известных политических деятелей, руководителей, знаменитых актеров, режиссеров, музыкантов и т.п. Соответственно в большинстве случаев ситуация общения может быть охарактеризована как официальная. Журналист, готовясь к интервью, собирает информацию о человеке, с которым ему предстоит разговаривать, т.е. он к началу интервью обладает предварительными знаниями о собеседнике. В интервью часто встречаются вопросы, которые построены на предположении

говорящего. С помощью таких вопросов журналист вводит в разговор интересующую его тему.

- Можно ли в связи с «Азазелем» говорить о вашем долгожданном «воссоединении» с Михалковым? – Не совсем, потому что в данном случае он как творческая личность отношения к этому не имеет. («Комс. правда»)

- Велико ли различие между боксом любителей и профессионалов? – Это день и ночь... («АиФ»)

Часто журналисты задают вопросы с целью выяснить, насколько имеющаяся у них информация соответствует действительности.

- Игорь Алексеевич, правда ли, что однажды вы поменяли в своей жизни все? – Я 18 лет служил в 1-ом управлении КГБ, во внешней разведке и еще два года в аналитическом управлении центрального аппарата КГБ... («Комс. правда»)

- Правильно ли считать, что липоскульптура – это новый метод похудения? – Нет, метод предназначен для корректирования форм фигуры, создания идеальных линий ... («Комс. правда»)

Однако можно отметить, что в интервью, проходящих в неофициальной обстановке, вопросы с частицей ли не употребляются или употребляются очень редко, например, в интервью с Земфирой (корреспондент обращается к ней на «ты») и даже в интервью с председателем Государственной Думы России Г.Селезневым. Неофициальный характер последнего обусловлен тем, что Г.Селезнев отвечал на вопросы журналистов «Комсомольской правды», где раньше был главным редактором. (В этом интервью встречаются такие «неофициальные» вопросы, как «Сами-то живете при коммунизме? На государственной даче с кухаркой и горничными?»; «А может, женщины в политике вызывают у вас аллергию?»; «А что делает ваша жена?» и т.п.)

Вопрос читателя в газету и ответ на него представляет собой особый тип диалога. В отличие от интервью общение проходит заочно, на первый план выступает запрашиваемая информация. Читатель задает интересующий его вопрос соответственно своей осведомленности, ожидая, что ответ на него будет подтверждением изложенных в вопросе фактов.

Могу ли я идти на пенсию в 50 лет, если у меня ребенок – инвалид 2-й группы с детства? В соответствии со ст.11 Закона РФ «О государственных пенсиях в РФ» пенсия на льготных основаниях устанавливается матерям инвалидов с детства, воспитавшим их до восьми лет, по достижении 50 лет и при общем трудовом стаже не менее 15 лет. («АиФ»)

Вопросительные предложения с частицей ли могут стоять в конце обращения читателя в газету.

- Нас очень беспокоит, что в последнее время вы перестали публиковать письма читателей, нет обратной связи. А ведь раньше «АиФ» на своих страницах вел прямой разговор с нами. Планируете ли вы возродить добрую традицию? – Обещаю, что в последующих номерах будем больше публиковать писем. («АиФ»)

Очень часто читатель сначала излагает некоторый факт, а затем чтобы убедиться в его истинности, задает вопрос «так ли это?» или «правда ли это?».

3) Контекст сомнения Контекст сомнения характеризуется следующими признаками:

- контекст имеет диалогическую форму;
- вопрос представлен в виде короткого высказывания, в большинстве примеров частица ли относится к непередикату;
- говорящий сомневается, соответствует ли действительности то, что утверждается об объекте;

- говорящий ожидает положительный или отрицательный ответ;
- вопрос направлен на разрешение сомнения говорящего.

Контексты сомнения широко представлены в произведениях художественной литературы.

-Ты здесь? – воскликнул он (Горданов), взглянув в лицо таинственного посетителя. – Как видишь ... Один ли ты, Павел? – Один, один, и сейчас же совсем отошлю моего слугу. (Н. С. Лесков)

В данном контексте частица ли не только показывает сомнение говорящего, но и его беспокойство, что подтверждается и ответной репликой Горданова (два раза повторяет свой ответ, обещает отослать своего слугу). Этого контекста, однако, не достаточно, чтобы понять причину сомнений и беспокойств «таинственного посетителя» - Глафиры Бодростиной. Это становится ясным только из макроконтекста, из которого мы узнаем, что Глафира Бодростина не хочет, чтобы кто-нибудь узнал о ее встрече с Гордановым наедине, поэтому она волнуется и хочет удостовериться, что кроме них никого больше нет.

Я бродил по городу; возвращался домой, выходил снова. – Вы ли господин Н.? – раздался вдруг за мною детский голос. Я оглянулся; передо мною стоял мальчик. – Это вам от фрейлин Annette, - прибавил он, подавая мне записку. (И. С. Тургенев)

Как становится понятным из контекста, мальчик не знает господина Н., которому надо передать записку, следовательно мальчик должен быть уверен, что это тот самый человек. Господин Н. оглянулся, не ответив на вопрос, но для мальчика это послужило сигналом, подтверждающим его предположение.

В контекстах этого типа частица ли играет важную роль в передаче смысла, имеет ярко выраженное модальное значение сомнения. По-видимому, при опущении частицы необходимый смысл может

передаваться с помощью интонации и иного порядка слов, однако в письменной речи использование частицы представляется предпочтительным.

4) Контекст-размышление

Для выделения контекста-размышления существенными представляются следующие положения:

- контекст имеет монологическую форму;
- вопрос может быть представлен в виде развернутого высказывания от первого лица;
- автор размышляет о возможности того, что спрашивается;
- рефлексивный характер вопроса позволяет автору самому предложить на него ответ;
- • вопрос с частицей выступает в своей вторичной функции – активизирует внимание адресата.

Такие контексты представлены и в публицистических статьях, и в художественной литературе, и в научном тексте. «Авторский» вопрос оживляет изложение, заостряет те или иные положения, выражаемой мысли. Вопросительное предложение может служить отправной точкой для дальнейшего развертывания мыслей автора. Частица ли стоит после сказуемого, очень часто сказуемое выражено глаголами - мочь, знать, быть, словами категории состояния - можно, нельзя.

Уже в 1995 году американцы поняли, что «перехватываемая через тоннель информация не соответствует действительности», и даже будто бы перестали тратить деньги на его эксплуатацию. Могло ли ФБР получать через тоннель какие-либо действительно секретные сведения? Теоретически – нет, ведь наши дипломаты и разведчики, даже находясь под крышей родного посольства, обязаны беседовать

на «закрытые» темы лишь в помещениях, специально защищенных от «прослушки». («Комс. правда»);

Стефан тут не присутствовал. Был ли он в Москве, в своем монастыре Богоявленском? Неизвестно. Знаем лишь, что после смерти Сергия он снова в Лавре. (Б. Зайцев);

Впрочем, надо думать, что она /Соня/ была романтична и по-своему возвышенна. Было ли у нее счастье? О да! Это – да! Уж что-что, а счастье у нее было. (Т. Толстая);

Относится ли исследование фразеологизированных и лексически ограниченных построений разговорной речи к изучению строя языка? Правомерно ли видеть в них объект синтаксического исследования? Ответ на этот вопрос может быть только положительным. (Н. Ю. Шведова)

В ряде примеров сказуемое стоит в форме будущего времени. Такие вопросы близки к проблематическому суждению, и автор обычно оставляет их без ответа.

Неожиданный восторг открытия, а может быть, и мистического явления в образе стародавнего гербового столба в самом центре России сменился мрачной тревогой: в самом деле, что же такое происходит? И возник главный вопрос: сохранит ли себя Россия? Как нация, культура, характер, язык... Как, в конце концов, русская, российская субстанция – в следующем тысячелетии? Сохраним ли себя мы? (В. Рогов)

Вопросы, участвующие в построении такого типа контекстов, нельзя трансформировать в вопросы без частицы ли без изменения их смысла. Они играют важную роль в организации текста, показывают неоднозначность обсуждаемой проблемы, являются ступенькой в построении рассуждений автора. В таких контекстах частица ли всегда выполняет союзную функцию.

5) Контекст эмоционального отрицания

Контекст эмоционального отрицания определяется следующими факторами:

- контекст имеет диалогическую или монологическую форму;
- вопрос представлен в виде развернутого высказывания;
- в вопросе, передающем экспрессивно окрашенное отрицание, акцентируется невозможность, ненужность или нецелесообразность отрицаемой ситуации;
- риторический вопрос стоит после вопроса собеседника и является ответом на него.

/Висленев/ - Александра Ивановна добра к ней (Вере)? /Лариса/ - Стоит ли (= не стоит) об этом спрашивать? К кому же Alexandrine не добра? /Висленев/ - Ко мне. (Н. С. Лесков)

Перед обедом я опять напоядился и опять надел сюртучок и галстух. – Это зачем? – спросила матушка. – Ты еще не студент, Бог знает, выдержишь ли ты экзамен. Да и давно ли (=недавно) тебе сшили куртку? Не бросать же ее! (И. С. Тургенев).

В таких вопросах частица ли так тесно связана со словом, к которому она относится, что воспринимается как нечто целое. Ср. можно ли = нельзя; долго ли = недолго; смею ли = не смею; нужно ли = не нужно и т.д. По нашим наблюдениям, возможность построения риторического вопроса с частицей ли зависит также от лексического значения выделяемого слова. Например, наречия близко, редко, скоро, тяжело и др. могут употребляться с частицей ли только в собственно-вопросительных предложениях.

Контекст может быть монологическим. Автор обращается к читателю, чтобы убедить его в чем-либо. Риторический вопрос с частицей ли в таком контексте становится его «эмоциональным центром».

Иные ритмы определяют жизнь столицы. В наше время москвичи расходуют по шестьсот литров воды на человека в сутки. Уже и этого количества не хватает. Проектанты, представляющие различные водные ведомства, подумывают о новых водохранилищах, планируют дополнительные заборы воды из рек Волжского бассейна. Рационально ли это? (= не рационально) По-хозяйски ли? (= не по-хозяйски) Оправдано ли истинными потребностями горожан? (= не оправдано) (из журнала «Москва»)

Печально, но во многих подмосковных селах и деревнях, по сути, заброшенными доживают свой век старики – те, кто еще недавно кормил страну, был ее опорой. И избу-то им никто не подправит, и машину дровишек к зиме не подбросит, а уж о том, чтобы проведать, справиться о здоровье, и вовсе речи быть не может. Спрашивается: какой пример для молодых? И стоит ли (=не стоит) после этого удивляться холодку у деревенских ребят к крестьянскому делу? (из журнала «Москва»)

б) Связанные контексты

Связанные контексты с частицей ли содержат конструкции разговорной речи и бывают двух типов:

- 1) Личное местоимение в дательном падеже + частица ли + инфинитив (чаще – несовершенного вида, реже – совершенного вида). Личное местоимение с частицей ли всегда стоит на первом месте, а инфинитив может быть отделен от них другими членами предложения. Такие построения выражают уверенность говорящего в невозможности действия для субъекта, выраженного личным местоимением.

Аркадина. Оставайся-ка, старик, дома. Тебе ли с твоим ревматизмом разъезжать по гостям? (А. П. Чехов)

Преподобный Сергей при Петре был еще мальчиком, с Алексием он прожил много лет в согласии и дружбе. Но святой Сергей был пустынный и «молитвенник»; любитель леса, тишины – его жизненный путь иной. Ему ли, с детства отошедшему от злобы мира сего, жить при дворе, в Москве, властвовать, иногда вести интриги, назначать, смещать, грозить! Нет, он послушный сын церкви, но не генерал ее. (Б. Зайцев)

Перед инфинитивом может стоять частица не, тогда в конструкции выражается уверенность говорящего в возможности действия.

- Ему ли не поехать в санаторий? Ведь он два года не был в отпуске.

2) Личное местоимение я + частица ли + частица не + предикат (может быть выражен глаголом, существительным с качественным значением, кратким прилагательным). Такое построение имеет значение экспрессивного утверждения в ситуации, когда говорящий хочет убедить собеседника в том, что совершил какое-либо действие или что обладает каким-либо качеством, несмотря на то, что собеседник отрицает или, с точки зрения говорящего, недооценивает это.

- Все вы хороши на словах! – сказала Анна Павловна, - а как дело делать, так вас тут нет! Видно, хорошо смотрел за барином: допустил до того, что он, голубчик мой, здоровье потерял! Смотрел ты! Вот ты увидишь у меня... Она погрозила ему(Евсею). – Я ли не смотрел, сударыня? В восемь-то лет из барского белья только одна рубашка пропала, а то у меня и изношенные-то целы. (И.А.Гончаров)

Во введении и первой главе были отмечены характерные особенности класса частиц, в том числе и их тяготение к употреблению в устной разговорной речи. Это положение не находит своего подтверждения для частицы ли. В сборнике текстов «Русская разговорная речь», содержащем переведенные в письменную форму

магнитофонные записи непринужденной устной разговорной речи носителей литературного языка, нами было отмечено лишь одно употребление частицы ли при оформлении косвенного вопроса:

А. Я сижу роюсь в книжном магазине/ под прилавком/ и вдруг слышу спрашивает/ голос молодой/ а есть ли у вас письма лейтенанта Шмидта? А этого Шмидта/ а письма у меня были// (С.118)

По-видимому, в разговорной речи основную функцию выражения вопросительности выполняет интонация и порядок слов. В письменной речи любое предложение с частицей ли независимо от ситуации и пунктуации (например, в телеграммах) остается вопросительным (за исключением риторических вопросов, выражающих экспрессивно окрашенное отрицание). При анализе частиц в греческом языке А. Добиаш отмечал, что «вопросительная частица была нужна языку для самых примитивных его потребностей (тон – тоном, но полезно и предупредить этот тон каким-нибудь средством, тем более, что во многих случаях он может установиться и обнаружиться только с течением речи, а никак не на самом первом слове)». (Добиаш, с. 465) В письменной речи подтверждением этому может служить отмеченная в нашем материале тенденция к обязательному употреблению частицы ли в вопросах, состоящих из большого количества слов. Частица ли с самого начала сигнализирует, что данное высказывание является вопросительным. Типология контекстов с частицей ли (за исключением связанных контекстов) представлена в кратком виде в таблице №1.

типичные	тивное	Получение информации	Получение подробной информации	Разрешение сомнения говорящего	Активизация внимания собеседника	экспрессивн	о	окрашенного
	назначение вопроса							

Типы	Форма текста	ные элементы высказыва-	осведомленн ос-ти сговорящего	Характер ожидаемого ответа
1. Контекст запроса информации	Диалог	относится к реме высказывани	которых можно построить	предоставляе т запрашиваем
2. Контекст интереса	Диалог	Развернутое высказывани е	определенны м знанием о предмете	ограничиваю -щийся утверждение
3. Контекст сомнения	Диалог	высказывани е, ли обычно относится к	действительн ости установленно	ый или отрицательн ый
4. Контекст- размышление	Монолог	высказывани е от первого лица	о возможности того, что	сам предлагает ответ
эмоциональн ого	Диалог Монолог	Развернутое высказывани е	-	-
ОТРИЦАНИЯ				

2.2.5. Выводы.

Итак, основная функция частицы ли – быть показателем формальной вопросительности. Такому пониманию функционирования частицы способствует и невозможность ее изолированного употребления.

Другие функции частицы ли реализуются в зависимости от ее контекстного окружения. Частица ли может связывать предложения в тексте; участвовать в актуальном членении предложения (выделяет рему); выражать отношение говорящего к сообщаемому (сомнительность, возможность – в неопределенно-вопросительных предложениях, бесспорность – в риторических вопросах). Для выражения субъективно-модальных значений частица ли нуждается в расширенном контексте, или, по терминологии Т. М. Николаевой, у нее есть установка на контекст.

Частица ли может реализовывать прагматические функции. Так в контекстах «интереса» и «вопросительных» контекстах она показывает, что говорящий не хочет оказывать давление на адресата. Вопрос с частицей ли можно считать «вежливым».

Таким образом, частица ли в составе вопросительных высказываний обуславливает их интонационную, структурную, функциональную и семантическую специфику.

2.3. Частица не...ли.

2.3.1. Лексико-грамматическое описание.

В толковых словарях русского языка «сочетание» не...ли к частицам не отнесено, но под знаком ромба отмечено, что не...ли употребляется для выражения предположения в вопросительной форме.

Не знаете ли вы ее? Не видал ли ты сестру? Не ошибаюсь ли? (СУ)

В работах И. П. Распопова, И. А. Киселева, И. П. Святогора, посвященных анализу вопросительных частиц, не...ли как составная частица не рассматривается. Однако в Русской грамматике (1980) частица не...ли включена в группу вопросительных частиц, отмечается, что она вносит «оттенок непринужденности, подчеркивает вопросительность» (С.387) Некоторые авторы: Л.И.Степенкова, Р. Ратмайер, С. И. Богданов и другие полагают, что сочетание не...ли является составной частицей, участвующей в выражении смягченности, некатегоричности вопроса, неуверенности. Не в таких вопросах не выражает отрицания, а в составе частицы не...ли передает разнообразные модальные значения. На такой вопрос собеседник может ответить: «Да, Р», но не «Да, не Р». Как справедливо отмечает А. М. Визгина, в вопросительных предложениях неместоименного типа происходит значительная нейтрализация категорий утверждения и отрицания, вопросительная функциональная модальность определяет проявление модальности, выраженной категориями утверждения/отрицания. (Визгина, с.16)

Частица не...ли, как и частица ли, может оформлять косвенные вопросы.

Он выдумывал себе матерей, воображал себя сыном любимой учительницы – будто бы у нее потерялся маленький мальчик и она ищет его, спрашивает у всех – не встречался ли? (Т. Толстая)

Вопросительные по форме предложения с лексемой не...ли, функционирующие в качестве зависимой части сложного предложения, могут и не соотноситься с ситуацией вопроса. (Степанова, с.151)

-Вы здесь одни, ребята? Саня только сказала: «Одни», а он уже спал. Так быстро заснул, что я испугался: не умер ли? Но он, как будто в ответ, захрапел. (В. Каверин)

2.3.2. Синтаксические свойства.

Частица не...ли обрамляет выделяемое слово (не+X+ли), обозначающее то, о чем спрашивают. Частица не...ли может относиться к любому знаменательному слову: глаголу, существительному, местоимению, прилагательному, наречию, числительному.

Анна Павловна. Не хотите ли, доктор, чаю? Доктор. Нет, благодарю, больные ждут. (Л. Н. Толстой); - Не рановато ли? – спросил младший брат. (В. Гастелло); Не интереснее ли говорить о художественных параллелях, совпадениях, о разных художественных взглядах?(Журнал «Москва»).

Частица не...ли может менять свою позицию в предложении.

Вам чаек не поставить ли? Вам не поставить ли чаек? Не поставить ли вам чаек?

2.3.3. Минимальные контексты употребления частицы не...ли.

Частица не...ли может употребляться в вопросительных предложениях разных функционально- семантических типов.

Специфику неопределенно-вопросительного предложения с частицей не...ли составляет «выдвижение положительной альтернативы в качестве возможной при подчеркиваемом осознании не меньшей вероятности отрицательной альтернативы». (Баранов, Кобозева, с.272)

- Не звал ли тебя столоначальник к себе по четвергам? – Ах, очень: каждый четверг. (И. А. Гончаров)

Гурмыжская. Не хочешь ли погулять по окрестностям? Вот Алексис будет тебе товарищем. Несчастливцев. Нет, я гуляю только ночью. (А. Н. Островский)

В своих вторичных функциях вопрос-побуждение с частицей не...ли выражает вежливое побуждение к совершению или к прекращению действия, может передавать просьбу, совет.

- Не могу дальше прочесть, с кем он едет, - заключила она, передавая письмо Синтяниной. – Не прочтете ли вы, Филитер Иванович? Форов посмотрел на указанную ему строчку и, качнув отрицательно головой, передал письмо Подозерову. (Н. С. Лесков)

В отличие от риторических вопросов с частицей ли, передающих экспрессивно окрашенное сообщение, риторические вопросы с частицей не...ли выражают уверенное экспрессивно-окрашенное утверждение.

Устинья Наумовна. Ты мне полторы тысячи обещал! Подхалюзин. Не жирно ли будет, неравно облопаетесь? Устинья Наумовна. Что ж ты, курицын сын, шутить, что ли, со мной вздумал? (А. Н. Островский).

Нейтрализации вопросительного значения в риторических вопросах с частицей не...ли способствует распространенность конструкции и образность словоупотребления.

«Жизнь, жизнь, как ты прекрасна! – восклицал он. – А дядя? Зачем смущает он мир души моей? Не демон ли это, посланный мне судьбою? Зачем отравляет он желчью все мое благо? не из зависти ли, что сердце его чуждо этим чистым радостям, или, может быть, из мрачного желания вредить... (И. А. Гончаров)

Не здесь ли мирны дни вели земные боги? Не се ль Минервы русской храм? (А. С. Пушкин)

2.3.4. Типология контекстов с частицей не...ли.

Нам представляется, что можно выделить 4 основных типа контекстов, в которых функционирует описываемая частица. Частица не...ли в основном употребляется в диалогической речи, в монологах она встречается в составе риторических вопросов.

1) Контекст предположения

Для выделения контекста предположения важно учитывать следующие факторы:

- контекст имеет диалогическую форму;
- вопрос может быть представлен как в виде короткого высказывания, так и в развернутом виде;
- говорящий имеет основание считать, что некое положение вещей может иметь место, хотя понимает, что противоположная альтернатива также вероятна, вопрос с частицей не...ли «выражает позитивное предположение» (Калинина, с.100);
- говорящий ожидает положительный или отрицательный ответ;
- вопрос направлен на получение информации.

- ... Завтра обедай у меня, кое-кто будет. – Не друзья ли ваши? (Может быть, ваши друзья?) – Да... Конев, Смирнов, Федоров, - ты их знаешь, и еще кое-кто... (И. А. Гончаров)

Максимов достал из своего портфеля две палки колбасы и большую банку селедки. Бабка Настя всплеснула ладошками: - Копченая! Да где ж ты таким добром расстарался? В районе у нас и докторскую-то по большим праздникам дают, а тут копченая! Не заграничная ли? (Может быть, заграничная?) (А. Жуков)

- Сергей Борисович, не намерены ли вы на следующих выборах баллотироваться на пост губернатора? – Говорить сейчас «да» или

«нет» совершенно бессмысленно. Все равно ведь никто не поверит!
(«Комс. правда»)

2) Императивный контекст

Императивный контекст основывается на следующих положениях:

- контекст имеет диалогическую форму;
- частица не...ли относится обычно к глаголу совершенного вида во 2-ом лице;
- в контекст входит вопрос-побуждение;
- говорящий ожидает, что его просьба будет выполнена адресатом или адресат воспользуется его советом.

- Не покажете ли (= покажите, пожалуйста; просьба) вы чего-нибудь из моих сочинений будущему моему начальнику, чтоб дать понятие?

- Нет, не нужно; если понадобится, ты и сам покажешь, а может быть, и не понадобится. (И. А. Гончаров)

Гурмыжская. Но во всяком случае, мне этих денег мало. Не купишь ли (= купи; побуждение к действию) у меня еще участок лесу?

Восмибратов. Да что б уж вам весь его продать. Куда вам его беречь-то! (А. Н. Островский)

- Не приляжешь ли (= приляг; совет) отдохнуть? Могут опять заболеть ноги.

3) Контекст эмоционального утверждения

Контекст эмоционального утверждения определяет возможность транспозиции вопросительной формы в область функций повествовательного предложения и характеризуется следующими признаками:

- контекст может иметь диалогическую или монологическую форму;
- вопрос представлен в виде развернутого высказывания;
- отрицательная форма выражает положительный смысл;

- • вопрос, заключающий уверенное экспрессивно окрашенное утверждение, передает оценочные значения: чаще всего негативную оценку;
- ответом не могут быть частицы да или нет.

В конце предложений с частицей иногда ставят не вопросительный знак, а точку или восклицательный знак, что отражает реальную функцию вопросительного по форме предложения.

- Я! про тех, кого вы не знаете, вы можете заключать что угодно; но меня – не грех ли вам подозревать в такой гнусности? Кто же я в ваших глазах? - Человек. (И. А. Гончаров)

Недопустимо историю или интересные исторические эпизоды использовать как «приманку» для зрителя, а на самом деле снимать в документальном кино все, что вздумается. Не погоня ли за эффектом ради привлечения внимания соблазнила и авторов картины «Риск-2» на домыслы и на то, чтобы не посчитаться с исторической правдой? (Журн. «Москва»)

4) Связанные контексты

Связанные контексты с частицей не...ли содержат два типа конструкций разговорной речи.

1) Не + инфинитив совершенного вида + ли + местоимение в дательном падеже

Такие построения выражают побуждение к действию, при этом говорящий не уверен в необходимости совершения этого действия и обращается к собеседнику, чтобы получить его согласие (подтверждение) или отказ (опровержение).

Аграфена Кондратьевна. Не выпить ли нам перед чаем-то бальсанцу, Устинья Наумовна? Устинья Наумовна. Можно, бралиянтовая, можно. (А. Н. Островский)

2) Не + хотите (угодно) + ли + сущ.(инфинитив) Данная конструкция отражает коммуникативную ситуацию, в которой адресант выступает в роли хозяина, а адресат в роли посетителя, гостя. Вопрос с частицей не...ли демонстрирует почтительное, вежливое отношение говорящего к слушающему.

Мамаев. (входит в комнату) Глумов. (подвигает стул и опять принимается писать). Не угодно ли присесть? Мамаев. (садится) Благодарю. (А. Н. Островский)

Анна Павловна. Не хотите ли, доктор, чаю? Доктор. Нет, благодарю, больные ждут. (Л. Н. Толстой)

2.3.5. Выводы.

Проведенный анализ показал, что основу семантики частицы не...ли составляет выражение позитивного предположения.

Для реализации семантических функций частицы часто бывает достаточно контекста одного высказывания. С помощью частицы не...ли говорящий выражает свое отношение к сообщаемому: возможность выражаемой пропозиции, ее желательность, если говорящий просит о чем-либо или советует что-либо.

Прагматические функции частицы не...ли относятся к процессу коммуникативного взаимодействия. Говорящий показывает свое уважительное отношение к собеседнику. Вопрос с частицей задается без оказания давления на собеседника с целью получения информации или совершения им какого-либо действия. Адресант стремится получить подтверждение своему предположению, но понимает, что оно может не соответствовать действительности; или вежливо выражает свою просьбу, совет, побуждение. Форма вопроса смягчает категоричность свойственную побудительным высказываниям.

Функционированию вопросов с частицей не...ли в качестве категорических утверждений способствует образность словоупотребления, распространенность высказывания.

При сравнении риторических вопросов с частицами ли и не...ли можно отметить дистрибуцию по положительности/отрицательности. Так, частица ли функционирует в контексте эмоционального отрицания, а частица не...ли – в контексте эмоционального утверждения.

Таким образом, частица не...ли определяет функциональную и семантическую специфику вопросительных высказываний, участвующих в построении разных типов контекстов.

2.4. Частицы разве и неужели.

2.4.1. Лексико-грамматическое описание.

Частицы разве и неужели широко употребляются как в текстах различной стилевой принадлежности, так и в разговорной речи. В частотном словаре русского языка под редакцией Л. Н. Засориной отмечено 317 случаев употребления частицы разве, из них 47 – в художественной прозе, 161 – в драматургии, 27 – в научно-публицистических текстах и 82 – в газетах. Частица неужели менее частотна. Отмечено 155 случаев ее употребления, из них 12 – в художественной прозе, 102 – в драматургии, 6- в научно-публицистических текстах и 35 – в газетах.

Таким образом, особенно часто описываемые слова употребляются в диалогической речи.

В толковых словарях современного русского языка частицы разве и неужели описаны как синонимы. Так, значение разве передается через «неужели, возможно ли что, правда ли что» (СО), а значение неужели – через слова «разве, возможно ли» (СО).

В словарях отмечаются варианты частицы неужели: неужто (разг.), ужели, ужель (устар.)

Ужели есть горе на свете? – сказала Наденька, помолчав.
(И.А.Гончаров)

«Каков мошенник! – воскликнула комендантша. - ... Неужто нашлись такие командиры, которые послушались разбойника?»

(А. С. Пушкин)

Просторечная частица нешто является эквивалентом общелитературной частицы разве (Рестан, с.469). В словаре В. Даля указано, что вопрос с нешто, нешто, нечто «заключает в себе убеждение противное вопросу» (т.2, столбец 1409).

Рисположенский. Вот уж грех, Лазарь Елизарыч! Нешто я вам не служу? По гроб слуга, что хотите заставьте. (А. Н. Островский)

Частица *неужели* представляет собой сращение слов *не*, *уже*, *ли*. (Фасмер, с. 164) В современном русском языке все три частицы функционируют самостоятельно, употребление их в одном предложении не позволяет однако говорить о совпадении их семантики с частицей *неужели*.

Счастливец. Ну, убежал куда-то. Уж не топиться ли? Вот бы хорошо-то. (А. Н. Островский)²²

В древнерусском *разве* и старославянском форма *разве* имели значение «только, кроме» (Фасмер, с.433), что находит свое отражение в употреблении *разве* в значении условно-противительного союза, часто со словами *что*, *только*.

- Нет, идите; бодаться она редко бодается ... разве только кто ей не понравится, - успокаивала баба, стремясь опять изловить кур и взять кричащее дитя. (Н. С. Лесков)

Непременно приду, разве заболею. (СО)

В научной литературе частицы *разве* и *неужели* традиционно рассматриваются вместе. Близость из значений, с одной стороны, и невозможность взаимной замены в целом ряде контекстов, с другой, определила, по-видимому, интерес к этим словам многих авторов:

И. П. Распопова, И. А. Киселева, Т. В. Булыгиной, А.Д. Шмелева, А.Н. Баранова и другие.

В ряде работ основные различия в семантике этих частиц сводятся к тем эмоционально-экспрессивным оттенкам, которые они вносят в предложение. Например, Н. А. Лобанова отмечает, что «с помощью *разве* выражается удивление как результат того, что действительность противоречит ожидаемому, иногда удивление с

²² Сопоставительный анализ частиц *неужели* и *уж не...ли* проводится в работе Степенковой Л. И. «Субъективно-модальные частицы в современном русском языке».

оттенком сомнения. С помощью частицы *неужели* выражается неприятное удивление, удивление с оттенком сожаления, радостное удивление или удивление, основанное на более значительном противоречии между ожидаемым и реальностью». И. П. Распопов, И.П. Святогор считают, что вопросы с частицей *неужели* более экспрессивны, чем вопросы с частицей *разве*. При анализе собранного нами материала указание на разную степень экспрессивности подтверждается слабо. Авторы большинства исследований, посвященных данным частицам, анализируют их употребление вне необходимого контекста, что не позволяет не только адекватно оценить их семантические особенности, но и «приводит иногда к прямо противоположным суждениям» (Баранов, 1987, с.15)

2.4.2. Синтаксические свойства.

Частицы *разве* и *неужели* обычно занимают препозитивное положение и соотносятся со всем составом вопросительного предложения. Но в разговорной речи *разве* может стоять в середине и в конце предложения, а *неужели* – в середине вопросительного предложения. В этих позициях указанные частицы тяготеют к логически выделяемому слову.

Разве он приехал? Он разве приехал? Он приехал разве? Неужели ты сдал этот экзамен? Ты неужели сдал экзамен?

Анализируемые слова не могут стоять в начале устного или письменного текста, так как они употребляются в высказываниях, «продолжающих речь или реагирующих на ситуацию речи» (Святогор, с. 66)

Интересно, какая у него борода? Неужели растет прямо из шеи, как я видел на картинке? (В. Драгунский)

Если бы я жил в такой усадьбе, у озера, то разве я стал бы писать?
(А. П. Чехов)

Частицы разве и неужели в отличие от частиц ли, не...ли, или, что за могут выступать в роли самостоятельного высказывания.

- Славка что-то тебе не пишет. – А он и не писал никогда. Это мама, когда они там жили. Он и не знал. – Да? - Конечно. Но он все-таки звонит. – Разве? - Без тебя, наверное, как-то. (Русская разговорная речь: Тексты).

2.4.3. Минимальные контексты употребления частиц разве и неужели.

Вопросы с частицами разве и неужели имеют ряд особенностей. Представляется, что их основной отличительной чертой является несвойственная вопросительным предложениям диалогическая функция: «если обычно вопросительное предложение в диалоге является «выпадом», предполагающим ответную реакцию, т. е. играет «инициативную», а не «реактивную» роль, то высказывания с разве и неужели представляют собой своего рода «вопрос-реакцию» (Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев, с.126)

Неопределенно-вопросительное предложение, как известно, употребляется с целью проверить правильность или неправильность содержащегося в вопросе предположения о ком-то или о чем-то. Говорящий ожидает, что адресат подтвердит его предположение. Напротив, в вопросительных предложениях с частицами разве и неужели говорящий ожидает, что собеседник объяснит, почему установленное говорящим отношение не соответствует действительности. Метафорическая интерпретация значений, представленная в книге «Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстуально-семантического описания»: «Разве, или готов

спорить, что не так» и «Неужели, или Фома неверующий», хорошо иллюстрирует эту особенность семантики данных слов.

«Что такое? – спрашивал я. – Разве господа офицеры не любят скрипичной игры?» - «Вы дурак, Моисей, - говорила мадам Павлович. – Вы старый ребенок, Моисей, и я имею к вам жалость.» (К.Паустовский)

- А скажите-ка мне, - спросил я Гагина: дело между нами пошло на откровенность, - неужели в самом деле ей до сих пор никто не нравился? В Петербурге видала же она молодых людей? - Они-то ей и не нравились вовсе. (И. С. Тургенев)

В своих вторичных функциях вопросы с частицами разве и неужели передают экспрессивно окрашенную информацию: уверенное экспрессивно окрашенное утверждение или экспрессивно окрашенное отрицание.

Серебряков (жене). Тебе же первой я противен. Конечно, ты права. Я не глуп и понимаю. Ты молода, здорова, красива, жить хочешь, а я старик, почти труп. Что ж? Разве я не понимаю?(=Я понимаю) (А. П. Чехов)

Людмила. Ты от меня отказываешься? Маргаритов. Нет, нет, прости меня, я сам не знаю, что говорю... О нет, нет, я тебя не брошу! Мне самому страшно стало!.. Неужели я тебя оставлю ему?.. (=я не оставлю) Моту, пьянице... (А. Н. Островский)

2.4.4. Типология контекстов с частицами разве и неужели.

Контексты употребления частиц разве и неужели многочисленны и разнообразны: в них частицы могут проявлять целый ряд модальных значений. В нашем исследовании выделяются три типа контекста, при этом учитывается, что частицы разве и неужели различаются характером пресуппозитивного знания. Когда

говорящий убежден, что какой-либо факт или событие противоречит тому, что имеет место в действительности, он употребляет частицу разве, так как стремится с помощью вопроса «разрешить возникшие противоречия между собственными убеждениями и обстоятельствами, которые им не соответствуют» (Баранов, 1984, с.14).

- Завтра покажут новый детектив «Адвокат». – Разве это детектив? – Да.

Когда говорящий предполагает, что некое положение вещей может не иметь места в действительности, он употребляет частицу неужели.

- Неужели ваш сын умеет читать? Ему только четыре года.

1) Контекст несоответствия

Контекст несоответствия определяется по ряду характерных признаков:

- имеет диалогическую форму;
- отражает ситуацию, в которой говорящий сталкивается с тем, что некоторое положение вещей не соответствует его представлениям (для частицы неужели) или противоречит им (для частицы разве);
- • вопрос с частицей является реакцией на предшествующую реплику
- • вопрос отражает отношение говорящего к ситуации: недоверие, удивление, неверие (для частицы разве) и сомнение, удивление (для частицы неужели) (См. Приложение №2);
- вопрос направлен на получение разъяснения имеющегося, с точки зрения говорящего, недоумения;

И с этим Висленев вынул из кармана пальто и преподнес Форову книжку из числа изданных за границей, в которой трактовалась

сущность христианства по Фейербаху. – Благодарю вас, - отвечал майор, - но я, впрочем, этого барона фон Фейербаха не уважаю. – А вы его разве читали? - Нечего у него читать-то, вот горе. (Н.С.Лесков)

Из этого контекста следует, что Висленев считал, что Форов не читал ранее книги Фейербаха. Высказанное Форовым суждение вызвало недоверие Висленева, так как не соответствовало представлениям о его собеседнике, поэтому закономерен вопрос, заданный для разрешения сомнения Висленева в том факте, что Форов не только не читал книги Фейербаха, но и имеет о нем отрицательное мнение. При внешней близости значений частиц *разве* и *неужели* их взаимозамена в данном контексте невозможна. Висленев дарит книгу Форову, следовательно, он в крайней степени уверен, что тот с ней не знаком. Вопрос с *неужели* выражал бы только удивление говорящего, но не соответствовал бы описанной в контексте ситуации. В данном контексте интересен ответ Форова, в котором он выражает негативную оценку книг Фейербаха. Ответ на вопрос дан в имплицитной форме: если человек высказывает некое суждение о чем-либо, то логично, что он, по крайней мере, знаком с тем, о чем говорит.

- Расскажите мне о Томилиной, - попросил корреспондент. – Как давно она пишет, какое у нее образование, какая семья. Мне все интересно. – Пишет она недавно, всего пять лет, - с готовностью начал рассказывать главред. – Неужели всего пять лет? – удивился корреспондент. – Это просто поразительно. За пять лет успеть столько написать! – Она очень работоспособна. (А. Маринина)

Корреспондент ничего не знает о Томилиной как писательнице, следовательно, не может сомневаться в реальности факта. Спрашивающий очень удивлен тем, что столько книг можно

написать за пять лет, что подтверждается и в тексте глаголом удивиться. Соответственно, главред в ответе на вопрос журналиста не только подтверждает данный факт, но и объясняет, что это возможно, так как Томилина очень работоспособна. Замена на разве привела бы к разрушению смысловой ситуации.

Описанный тип контекста может быть представлен не только в текстах художественной литературы, но и в публицистике, и в устной разговорной речи.

- Вам уже шестьдесят. Неужели так нужен опасный полет? – Я мечтал испытать, что же такое космос в течение сорока лет. Я хочу осуществить мечту моей жизни. (из интервью с космическим туристом Д. Тито; «Комс. правда»)

Я отношусь к той меньшей части вкладчиков, что не подписала мировое соглашение с банком «Российский кредит». ... Судебные приставы теперь не принимают у меня исполнительный лист. Разве это правильно? («АиФ»)

В отличие от традиционных вопросов в газету с частицей ли, отражающих неуверенность адресанта в том, что его предположение соответствует действительности, несмотря на ожидаемый положительный ответ, вопрос с частицей разве показывает, что адресант абсолютно уверен в своей правоте. Однако это не подтверждается ситуацией, что и вызывает обращение читателя в газету с целью доказать необоснованность действий судебного пристава в описанной ситуации.

- Три часа диссертацию защищал. – А чего так долго? - А разве ты меньше защищался?(Русская разговорная речь: Тексты, с. 237).

2) Контекст эмоционального отрицания и эмоционального утверждения

Контекст эмоционального отрицания и эмоционального утверждения определяется на основе следующих признаков:

- контекст имеет диалогическую или монологическую форму;
- вопрос представлен в виде развернутого высказывания;
- вопросы с частицами выражают экспрессивно окрашенное утверждение или отрицание;
- отрицательная форма выражает положительный смысл;
- в контексте происходит нейтрализация собственно вопросительного значения частиц;
- • говорящий хочет показать, что прав объективно.

Лиза почувствовала, что вышла было из своей роли, и тотчас поправилась. «А что думаешь? – сказала она, - разве я и на барском дворе никогда не бываю? небось всего наслышалась и нагляделась.

(А. С. Пушкин)

Серебряков. Ну, допустим, я противен, я эгоист, я деспот, но неужели я даже в старости не имею некоторого права на эгоизм? Неужели я не заслужил? Неужели же, я спрашиваю, я не имею права на покойную старость, на внимание к себе людей? Елена Андреевна. Никто не оспаривает у тебя твоих прав. (А. П. Чехов)

Прагматические функции частиц в таких контекстах довольно разнообразны.

Карандышев. О людях судят по поступкам. Разве он хорошо поступил с вами? Лариса. Это уж мое дело. Если я боюсь и не смею осуждать его так не позволю и вам. (А. Н. Островский)

Карандышев хочет показать Ларисе, что она сама все понимает, но по каким-то причинам игнорирует очевидное, поэтому не просто утверждает, что Паратов плохо поступил с ней, а оформляет свое высказывание как вопрос. Для него важно, чтобы Лариса признала его правоту.

Сейчас вспомнили добрым словом Никиту Сергеевича. По справедливости вспомнили. Но разве знает меру российская душа – как в хуле, так и в похвале? Да если при этом еще открывается заманчивая возможность, помяная Никиту Сергеевича, нечаянно пролить каплю елея и на самого себя. (Журн. «Москва»)

Автор сознательно выражает достаточно спорное утверждение в форме вопроса с частицей разве. С одной стороны оно не кажется категоричным, с другой – показывает уверенность автора в объективности изложенного мнения.

3) Контекст поддержания контакта

Контекст поддержания контакта определяется на основе следующих факторов:

- контекст имеет диалогическую форму;
- частицы разве и неужели употребляются изолированно;
- частица может выражать эмоциональную реакцию говорящего;
- говорящий показывает свое внимание к получаемой от собеседника информации, свою заинтересованность в коммуникации;
- ответ говорящим не предполагается.

Глумова. Он (Жорж) даже ослеплен своими благодетелями, уж для него лучше их на свете нет. По уму, говорит, Нилу Федосеичу равных нет в Москве, а уж про вашу красоту говорит, так печатать, право, печатать надо. Мамаева. Скажите, пожалуйста! Глумова. Какие сравнения находит! Мамаева. Неужели? Глумова. Да он вас где-нибудь прежде видал? (А. Н. Островский)

2.4.5. Выводы.

Рассмотренные частицы разве и неужели занимают второе место по частотности употребления после частицы ли. В отличие от частиц

ли, не...ли, или, что за они могут выступать в роли самостоятельного высказывания. Основные различия в семантике частиц заключаются в характере пресуппозитивного знания. Этим определяется возможность употребления частиц в одном контексте, как с изменением нюансов смысла, так и без значимых изменений. Существуют контексты, в которых замена одной частицы на другую невозможна, т.е. такая замена стала бы причиной нарушения смысла.²³

В контекстах несоответствия и контекстах поддержания контакта вопросы с частицами носят «реактивную», а не «инициативную» роль, следовательно, не могут стоять в начале устного или письменного текста.

Семантические функции частиц реализуются обычно в диалогических контекстах. Разве и неужели выражают отношение говорящего к сообщаемому: неверие, недоверие, удивление (разве), сомнение, удивление (неужели) (См. Приложение 2)

Прагматические функции частиц также многочисленны и разнообразны: с их помощью говорящий поддерживает контакт в разговоре, показывает свою заинтересованность, может показывать, что говорящий имеет свое мнение по поводу некоторой ситуации, противоречащее высказыванию собеседника. Используя риторические вопросы с частицами, адресант стремится убедить собеседника в своей правоте, придает высказыванию характер объективности.

Таким образом, частицы разве и неужели имеют ряд семантических и функциональных особенностей, определяющих возможности их синонимического и дифференцированного употребления в различных типах контекста.

²³ См. с. 22-26

2.5. Частица или.

2.5.1. Лексико-грамматическое описание.

Как известно, частица или образовалась от союза или и сохраняет с ним живые связи, что является характерным для большого количества частиц.²⁴

Человек этот с первого взгляда показался ей подозрительным. Было у него что-то такое – то ли болезненность, то ли какой-то внешний дефект, вот только сразу не понять – какой. Или, может, иностранец?(В. Баранов) (частица)

Ну какое, скажите, отношение к творчеству имеет старый дорожный сундучок? Или керосиновая лампа? Или чайная ложечка?.. (Журнал «Москва») (союз)

Частица или имеет фонетические варианты: иль (поэт. и прост.), али и аль (обл., прост.)

Аграфена Кондратьевна. ... Тьфу ты, дьявольское наваждение! Али ты думаешь, что я не властна над тобой приказывать? Говори, бесстыжие твои глаза, с чего у тебя взгляд-то такой завистливый? (А. Н. Островский)

Вот тебе и раз: повестки на руках нету. Еще прогонят взашей из-за пустяка, из-за мелочи? И Тимше... Тимше, может, тоже есть повестка?! Иль пока одному ему Гошке?! (Н. Горбачев)

2.5.2. Синтаксические свойства.

Частица или всегда занимает позицию в начале вопросительного предложения и относится ко всему его составу. Вопрос с или стоит после повествовательного или вопросительного высказывания, соотносится с ним по смыслу, но не зависит от него формально.

²⁴ О явлении переходности частиц из других частей речи см. п. 1.1.5. К частицам слово или относят Н.Ю.Шведова, И. П. Распопов, П. Рестан, И. П. Святогор.

Первым, что бросалось в глаза при взгляде на Андрея Чеботаева, были его длиннющие ресницы. Ну просто на зависть девушкам! - Ты что, их специально отращиваешь? – поинтересовался Доценко через три минуты после знакомства с оперативником из Западного округа. – Или они наклеенные? (А. Маринина)

В ряде словарей (СУ, СО) отмечается, что частица или употребляется только в тех предложениях, в которых стоит частица не перед сказуемым. Как видно из приведенных примеров, это положение не подтверждается.

2.5.3. Минимальные контексты употребления частицы или.

Частица или употребляется в неопределенно-вопросительных вопросах. Часто такой вопрос стоит после специального, в нем содержится предположение, которое может быть потенциальным ответом на предшествующий вопрос.

Вопрос мошенника и его дерзость показались мне так забавны, что я не мог не усмехнуться. – Чему ты усмехаешься? – спросил он (Пугачев) меня нахмуясь. – Или ты не веришь, что я великий государь? Отвечай прямо. (А. С. Пушкин)

2.5.4. Типология контекстов с частицей или.

Нам представляется, что частица или функционирует в двух видах контекстов.

1) Альтернативный контекст

Альтернативный контекст выделяется на основе следующих признаков:

- контекст имеет диалогическую форму;

- частица стоит в неопределенно-вопросительном предложении после местоименного или неместоименного вопроса, просьбы;
- говорящий высказывает предположение, связанное по смыслу с предшествующим высказыванием;
- говорящий допускает, что получит положительный ответ.

Альтернативный контекст может выступать как часть интервью или как часть художественного текста. В отличие от контекста предположения с частицей не...ли, в котором говорящий выражает свое предположение в вежливой форме, в альтернативных контекстах говорящий делает не одно предположение, а несколько, чем достаточно настойчиво вынуждает адресата ответить на его вопросы. Это делает невозможным замену частицы или на частицу не...ли.

- А земные желания в космосе остаются? Хочется соленького, пива выпить? Или все подавлено нагрузкой? - Все остается, в том числе и аппетит. («АиФ». Из интервью с Ю.Батуриным)

Договорились встретиться прямо на факультете, в вестибюле. Я пришел. Прождал его минут где-то двадцать. Ну думаю, свинья какая! Или кто-то пошутил, обманул? И уже хотел уходить. Тут он и прибежал запыхавшийся. (Из интервью с В. Путиным)

- Пейте же чай. Или слишком крепок? (Л. Толстой)

- А вы с Шевчуком здороваетесь за руку? Или вообще не общаетесь?

- Последний раз, когда виделись, поздоровались. («Комс. правда». Из интервью с рокмузыкантом.)

Как следует из вопросов корреспондента, он хочет узнать, какие отношения между адресантом и Ю. Шевчуком. Обычно здороваются за руку люди, хорошо относящиеся друг к другу, поэтому двумя общими вопросами журналист определяет два полюса отношений между интересующими его личностями: друзья – чужие люди.

2) Контекст негативного предположения

Контекст негативного предположения характеризуется следующими признаками:

- контекст имеет диалогическую и монологическую форму;
- вопрос представлен в виде развернутого высказывания;
- в вопрос с частицей входит экспрессивно окрашенная лексика;
- неопределенно-вопросительный вопрос передает предположение;
- говорящий оценивает высказанное предположение негативно;
- говорящий ожидает, что ответ будет носить характер опровержения.

«Нет, папа, как вам угодно: я ни за что не покажусь.» - «Что ты, с ума сошла? – возразил отец, - давно ли ты стала так застенчива, или ты к ним питаешь наследственную ненависть, как романтическая героиня? Полно, не дурачься...» - «Нет, папа, ни за что на свете, ни за какие сокровища не явлюсь я перед Берестовыми». (А. С. Пушкин)

- Дорогая моя, - сказал он, - зачем ты-то лезешь, по сути, не в свою тарелку? - Дорогой, дорогой мой, а меня что, это никак не должно задевать? Мы в разводе, что ли? Или ты приспособился плевать на мое мнение с высокой елки? – Хорошо, если желания остановиться у тебя не возникло, если ты решила докапываться... (Л. Беляева)

Адресант задает вопрос с целью определенного воздействия на собеседника, он хочет заставить его поступить так, как он (адресант) считает нужным, поэтому ответ на такой вопрос не может быть положительным или отрицательным. Адресат или должен подчиниться (как во втором примере), или последовательно не соглашаться со своим собеседником (как в первом примере).

В монологическом высказывании, обращенном к читателю, вопросы с частицей или показывают крайне негативное отношение автора к некоторой ситуации, определенной контекстом. Вопросы могут представлять собой сложные развернутые предложения и выражать спорные предположения.

Как истребить ненависть человеческую, как победить в себе зло? Или добро – только в общем потоке жизни, в вечности самой жизни, когда кровь убитых высыхает и вновь цветут цветы, люди влюбляются, чтобы завтра опять брать в руки автоматы Калашникова и стрелять в упор в себе подобного? А потом опять любят и опять рожают детей. (Журнал «Москва»)

Как это ни чудовищно, но человек находится в состоянии смертельной вражды с природой... Неужели нельзя жить с природой в состоянии прочного мира, познавая, а не поработывая ее насилем? Или ограниченное движение мировой цивилизации – это запрограммированное некой силой организованное самоубийство? (Ю. Болдырев, Журнал «Москва»)

2.5.5. Выводы.

Функции частицы или реализуются в зависимости от ее контекстного окружения. Вопросительное предложение с данной частицей не может занимать изолированную позицию, а всегда стоит после некоторого утверждения, вопроса или просьбы.

С помощью частицы или говорящий передает свое отношение к сообщаемому: возможность выражаемой пропозиции, что сближает ее с частицей не...ли. В ряде контекстов на первый план выступают прагматические функции или: вопрос с частицей задается с целью воздействия на собеседника, принуждения его к определенному действию (речевому или физическому). В отличие от частицы что, в

таких контекстах частица или всегда способствует передаче негативных эмоций говорящего.

Отмечается небольшая частотность употребления частицы или в художественных текстах и в устной разговорной речи (см. Русская разговорная речь: Тексты), что может отчасти объясняться активным употреблением ее омонима – союза или.

2.6. Частица что за.

2.6.1. Лексико-грамматическое описание.

В толковых словарях современного русского языка отмечается, что сложная модальная частица что за употребляется для усиления выразительности высказывания (ССРЛЯ) в вопросе и восклицании в значении какой? (какая? какое?) (СО, СУ).

Что у тебя за страсть кур красть? Что это за напасть такая? (И. А. Гончаров)

Существует две точки зрения на происхождение частицы что за. 1) Фасмер считает, что это поздний русский оборот, представляющий собой кальку немецкого «was für ein». 2) А. Попов доказывает на большом материале, что это не могло быть заимствованием из немецкого языка, так как оборот что за одновременно появился в латинском, литовском и ряде славянских языков. Он отмечает, что «во всех индоевропейских языках существовали обороты, в которых первым именительным или винительным было вопросительное местоимение среднего рода (что), а вторым – существительное. При стремлении всех языков к устранению вторых именительных и винительных, существующее имя должно было подвергнуться разным заменам. Одним из средств для замены вторых винительных явились предлоги. В то время как в большинстве случаев вторые падежи превращались в дополнение с предлогом, в оборотах, имевших первым именительный или винительный что, такого превращения не происходило и предлоги присоединялись прямо ко вторым именительным или винительным» (Попов, с. 11).

В работах И. П. Распопова, И. А. Киселева, К. Э. Штайн, Л.И.Степенковой, посвященных анализу субъективно-модальных частиц, в том числе и вопросительных, частица что за не

рассматривается. В «Русской грамматике» отмечается, что частица что за относится к группе вопросительных частиц, вносит в вопрос добавочные значения.

Во «Фразеологическом словаре русского языка» даны толкования следующих фразеологизмов с частицей что за: что за важность; что за вопрос; что за нужда; что за печаль.

Например, выражение что за важность определено как «ну и что же! подумаешь! что тут особенного! О том, чему не следует придавать значения» (ФС, с.53)

Владимир. Поверьте, люди будут вас за это хвалить. И что за важность, если посреди тысячи похвал раздастся один обвинительный голос?! (М. Ю. Лермонтов)

Фразеологизм что за вопрос выражает изумление или бесспорное утверждение при ненужном или нелепом вопросе. (ФС, с. 78)

Ты спрашиваешь, доволен ли я тем, что сказал ты обо мне в «Телеграфе». – Что за вопрос? Европейские статьи так редки в наших журналах! а твоим пером водят и вкус и пристрастие дружбы. (А. С. Пушкин)

В «Русско-английском словаре междометий» даны толкования следующим выражениям: что за беда; что за комиссия; что за невидаль; что за оказия; что за притча; что за черт.²⁵ Авторы словаря считают, что их можно определить как сверхсловные идиоматические релятивы.

Н. Ю. Шведова относит все построения типа «Что за характер» к фразеологизированным, отмечает, что эти построения могут быть только именными (Шведова, 1960, с.272). Представляется, что саму составную частицу что за следует считать фразеологизированной,

²⁵ Как отмечают авторы словаря, релятивы входят в состав русской фразеологии. Сверхсловные релятивы находятся на периферии функционального поля релятивов, его ядро занимают междометия как слова, служащие для выражения чувств и волеизъявления говорящего. (Русско-английский словарь междометий, с. 6)

однако лексическая наполняемость высказываний с описываемой частицей не ограничена. Это позволяет рассматривать употребление что за в целом ряде несвязанных контекстов.

- Симка! А тебя тут какой-то дядька добивался. Подошел, весь в заграничном, и спрашивает: «Что это за девочка здесь выходила?» - «Какая, говорю, девочка?» - Ну, я и сказала. (Л. Кассиль)

- Может быть, западный зритель не до конца понимал, что за Больного ему показывают? - Не знаю, не знаю... (Комс. правда; из интервью с актером Л. Мозговым)

Как видно из данного примера, частица что за может оформлять и косвенные вопросы.

2.6.2. Синтаксические свойства.

Частица что за относится к расчленяемым частицам, т. е. между ее компонентами могут быть поставлены другие слова. Обычно компонент что стоит в начале предложения.

«Она хочет удивить нас, - думал я, - к чему это? Что за детская выходка?» (И. С. Тургенев)

Аксюша. Что я здесь за игрушка для всех? Я такой же человек, как и вы. (А. Н. Островский)

Частица что за употребляется в основном в односоставных, реже - в двусоставных предложениях.

Подхалюзин. Что ты за пыль на зеркале нашел? Покажу я тебе пыль! Ишь ломается! (А. Н. Островский)

Частица что за всегда относится к существительным в именительном и винительном падеже.

2.6.3. Минимальные контексты употребления частицы что за.

Частица что за функционирует в собственно-вопросительных

вопросах. Такие вопросы близки к вопросам со словом какой, когда спрашивают о качестве, свойстве чего-либо.

Кулигин. Что у вас, сударь, за дела с ним? Не пойдем мы никак. Охота вам жить у него да брань переносить. Борис. Уж какая охота, Кулигин! Неволя. (А. Н. Островский)

В своих вторичных функциях вопросы с частицей что за выражают эмоциональную реакцию говорящего, часто стоят после или перед обращением.

- Нинон! Что за философские беседы? Ты же ведешь совсем другую рубрику. (В. Платова)

2.6.4. Типология контекстов с частицей что за.

Нам представляется, что можно выделить 4 типа контекстов с частицей что за

1) Контекст запроса информации

Контекст запроса информации характеризуется следующими положениями:

- контекст имеет диалогическую форму;
- частица связана с левым контекстом;
- говорящий не имеет сведений, на основе которых можно построить предположение;
- адресат в своем ответе предоставляет запрашиваемую информацию;
- вопрос с частицей направлен на получение информации.

В вопросительном контексте можно отметить сходство семантики частицы что за и вопросительного местоимения какой.

- Тебя приглашают прочесть курс лекций. ... – А что за лекции? - Ну, не о теории малых чисел, естественно! О детективе, Володенька, о детективе. (В. Платова)

При построении диалогов с вопросами с частицей что за необходимо учитывать, какие семантические валентности²⁶ не заполнены в имени, к которому относится частица.

- А группа «Би-Би-Си» вам нравится? Дина сосредоточенно наморщила лобик, словно не понимая вопроса. – «Би-Би-Си»? Что это за группа? – Та, которая выступала в тот вечер в клубе «Геракл». – Ах, эта... (А. Маринина)

В данном примере название группы, заполняющее одну из семантических валентностей этого слова, не является для Дины достаточной характеристикой, она задает вопрос с целью получить более подробную информацию о группе. Сведения о месте выступления группы «Би-Би-Си» (заполнившие ее вторую валентность) позволяют девушке вспомнить, что она слышала их выступление.

А тетя Мила сказала: - Иди, Денек, со мной рядом. – И спросила: - Это что за корзинка? - Здесь пластилин, карандаши и пистолеты... (В. Драгунский)

В этом примере вероятностной валентностью слова корзинка становится ее содержимое, так как в корзинке обычно что-то носят, поэтому мальчик, отвечая на вопрос, перечисляет те вещи, которые лежат в его корзинке.

²⁶ «У некоторого слова Л есть семантическая валентность Х, если слово Л описывает ситуацию, в которой есть обязательный участник, выполняющий роль Х. Значения слов, связанных с Л и обозначающих обязательных участников описываемой словом Л ситуации, называется семантическими актантами этого слова.», «семантические актаны слова Л заполняют семантические валентности слова Л» (Кобозева, 2000, с.140).

2) Контекст непонимания

В контексте непонимания определяющими являются следующие признаки:

- контекст имеет диалогическую форму;
- экстралингвистическая ситуация, свидетелем которой становится адресант, ему не понятна; он не может объяснить причину происходящего, что и вызывает соответствующий вопрос;
- адресат, будучи участником ситуации, реагирует на пропозитивное содержание вопроса;
- ответ не может содержать частицу да или нет;
- вопрос с частицей направлен на получение информации.

И вдруг видим – стоят весы. И к ним небольшая веселая очередь, которая быстро двигается, и все тут шутят и хохочут. И около весов клоун. Я спрашиваю: - Это что за весы? А мне говорят: - Становись, взвешивайся. Если в тебе окажется ровно двадцать пять кило весу, тогда твое счастье. Получишь премию: годовую подписку на журнал «Мурзилка». (В. Драгунский)

Такие вопросы с частицей что за близки к вопросу «Что здесь происходит?».

- Ну, гвардейцы, что за самодеятельность? – Упругая, поджарая фигура Шиварева вывернулась из-за соседней землянки внезапно, и Квашнин с Веревочкиным поднялись. – Что, спрашиваю, происходит? Н. Горбачев

Адресат благодаря ситуации понимает смысл вопроса. Так, в примере с весами, адресат не говорит о свойствах данных весов: напольные, ювелирные, импортного производства и т.п., а объясняет, какую роль они играют в данной ситуации.

Арина Ивановна (наливает в бутылку воды). На вот, отнеси. Скажи, чтоб полотенцем обернула, да и приложила. Акулина идет. Входит Ванюшин. Ванюшин. Что это за бутылка? Арина Ивановна. У Леночки живот болит. (С. А. Найденов)

В данном типе контекста замена частицы что за на вопросительное местоимение какой невозможна.

3) Контекст негативной реакции

Контекст негативной реакции характеризуется следующими факторами:

- контекст имеет монологическую форму;
- включает в себя риторический вопрос с частицей что за;
- вопрос выражает эмоциональную реакцию говорящего, отражает негативное отношение говорящего к поступку, мыслям, поведению собеседника;
- говорящий не ждет ответа.

Я поднялся. – Подайте мне мой зонтик, - сказала Зинаида, - вишь я его куда бросила; да не смотрите на меня так... что за глупости? Вы не ушиблись? чай, обожглись в крапиве? Говорят вам, не смотрите на меня... (И. С. Тургенев)

Как правило, частица что за стоит в таких вопросах перед словами со значением неодобрения: вздор, глупость, бред, отравка и т.д. При употреблении с частицей что за стилистически нейтральные слова приобретают негативную окраску: стыд, вкус, характер и т. д.

Людмила. У меня нет денег. Маргаритов. Куда ж ты их дела? Людмила. Истратила. Что ты так смотришь на меня? Что за инквизиция, папа! Если хочешь, я тебе скажу, куда... (А.Н.Островский)

В таких контекстах вопрос с частицей является реакцией говорящего на предшествующую реплику собеседника.

Липочка. Тятенька! Большов. Что тебе? Липочка. Стыдно сказать, тятенька! Аграфена Кондратьевна. Что за стыд, дурочка! Говори, коли что нужно. (А. Н. Островский)

4) Связанные контексты

Связанные контексты с частицей что за включают в себя ряд разговорных конструкций.

1) что + личное местоимение в дательном падеже + за дело + до + им. сущ в родительном падеже Личное местоимение может стоять в начале предложения, а существительное в родительном падеже с предлогом до не является обязательной частью конструкции.

Такое построение синонимично выражению «кому-либо нет дела до кого-, чего-либо», «кого-либо не касается что-либо».

Буланов. Да разве можно против документов-с? Несчастливцев. А вот я тебе покажу, что можно. Что мне за дело до документов, я не подъячий. (А. Н. Островский)

Рыбки уснули в пруду. Птички уснули в саду. Кто там вздохнул за стеной? Что нам за дело, родной! (Т. Толстая)

2) что за охота + инфинитив несовершенного вида

Данное построение имеет значение «зачем, с какой стати» и синонимично разговорной конструкции «охота + личное местоимение в дательном падеже + инфинитив».

Константин. Встали уж? Удивляюсь, что за охота так рано вставать?

Ванюшин. Бока пролежишь, если будешь по-твоему вставать. (С. А. Найденов)

3) Повторы с всегда препозитивной, не отделяемой от повторяемого слова частицей что за «выражают отрицание, несогласие, основанное на полной уверенности в противоположном тому, что утверждает собеседник» (Шведова, 1960, с. 322) Имена существительные и

прилагательные в таких повторах – всегда в форме именительного падежа.

- ... Такая молоденькая – и шьет рубашки? А? - Что за молоденькая, сударь: уж ей за пятьдесят. (И. А. Гончаров)

Компонентами разговорной конструкции такого типа могут быть и частицы это, такое, они подчеркивают в повторе значение возражения, активного несогласия с собеседником.

Людмила. Он (Павлик) должен помочь мне. Клавдия. У него семья, дети. Что это такое за «должен»? Людмила. Сестра! (В отчаянии..)

Чужие, чужие! С. А. Найденов

2.6.5. Выводы.

Функции частицы что за реализуются в зависимости от того коммуникативного контекста, в котором она употребляется. Так, вопрос «Что за люди?» может быть задан для получения характеристики объекта, для утверждения того, что говорящий считает этих людей плохими, а также в определенной ситуации просьбой объяснить происходящее.

Таким образом, для реализации семантических функций частицы не достаточно контекста одного высказывания. Частица что за не может занимать изолированную позицию, а обычно стоит в зависимости от типа контекста после некоторого утверждения или вопроса.

Прагматические функции частицы зависят от типа контекста, в котором она употребляется. В контексте запроса информации - адресант показывает свою заинтересованность в получении информации о свойстве, качестве чего-либо или кого-либо. В контексте непонимания содержится требование объяснить ситуацию, свидетелем которой стал говорящий. В контексте негативной

реакции адресант показывает, что не одобряет высказывание собеседника, его поведение и т. п.

2.7. Разговорные частицы а, да, как, что.

2.7.1. Лексико-грамматическое описание.

Слова а, да, как, что в ряде своих значений (см.п.1.1.5.) рассматриваются в качестве вопросительных частиц, как в толковых словарях, так и в работах И. П. Распопова, И. А. Киселева, И.П.Святогора.

В частотных словарях фиксируется 578 употреблений частицы а, 692 – частицы да (Штейнфельдт, с. 216). Нами был проведен подсчет количества частиц а, да, как, что в книге «Русская разговорная речь: Тексты». Самой частотной является частица да (142), за ней идет частица а (44), третье место занимает частица что (42), и был зафиксирован только один случай употребления частицы как.

2.7.2. Синтаксические свойства.

Вопросительные частицы а, да занимают позицию в конце предложения и соотносятся со всем его составом, но могут выступать и в роли самостоятельного высказывания.

Не знаешь, где живешь, да? (В. Драгунский) - Квартиры повсеместно ужасно вздорожали. – Да? я, право, этого не знаю, Жозеф. (Н. С. Лесков)

Быть может, надо еще жить, а? (А. Грин) - В квартал ходил? – повторил тот же женский голос. Слуга пробормотал что-то.

–А?.. Пришел кто-то? (И. С. Тургенев)

Частицы что, как начинают вопросительное предложение, соотносясь со всем его составом, или стоят сразу после начинающего вопрос подлежащего, выраженного местоимением или

существительным. Возможно и их изолированное употребление, в качестве отдельного предложения.

Что, пятилетнюю испанскую сагу Володи Бесчастных можно считать спетой до конца? («АиФ») - Ты что, обиделась? – заподозрил он. (В. Токарева) - Кутгей! – крикнул Ластон в пространство. – Пришел комендант. Что? – Гони в шею! – прилетел твердый ответ. (А. Грин) Как, опять все сначала? (Л. Н. Толстой) У меня даже мурашки побежали по спине. Как? Мой двоюродный дядька – капитан дальнего плавания? (В. Драгунский) Сын как, поступил в институт?

2.7.3. Типология контекстов с частицами а, да, как, что.

Разговорные частицы а, да, как, что образуют вопросительные слова-предложения, синтаксически нерасчлененные и неспособные распространяться при помощи пояснительных слов, но смысловая наполняемость таких слов-предложений обусловлена коммуникативным контекстом, они очень эмоциональны, и это приближает их к междометиям.

1) Частицы а, да, что могут употребляться как вопросительный отклик на обращение.

Аркадина. Петруша! Сорин. А? Аркадина. Ты спишь? Сорин. Нисколько. (А. П. Чехов)

Васса. Рашель! Рашель. Да? Васса. Живи с нами.. (М. Горький)

- Товарищ комендант!.. Товарищ старшина!.. – Что? - Немцы в лесу! (Б. Васильев)

2) Частицы а, как, что употребляются как переспрос, если вопрос не слышан или не понят.

Мишка побежал за мной и кричит: - Что? Говори громче! (В. Драгунский)

- В десятом классе астрономию проходили по диагонали... – Как-как? – переспросил гость. – Ну, с пятого на десятое... В. Баранов Ужиная, он изредка оборачивается и вмешивается в какой-нибудь разговор: - Это вы про что? А? Кого? (А.Чехов)

3) Частицы а, да выражают побуждение к ответу (т.е. речевому действию), а частица а может выражать и побуждение к действию.

Я спросил: - А ты сколько моешь приборов после каждого обеда? А, мама? Она ответила: - Три. (В. Драгунский)

- Егор, может вернемся к Соснину? А? Егор, на горе бугор...

– Трогай.. Ясно дело, - подмигнул Парфенову. – Вперед! Ю. Сергеев Мишка говорит: - Ты не будь мнительным. Говори, струсил, да? Я говорю: - Это ты, наверное, струсил. (В. Драгунский)

4) Частицы что, как могут выражать реакцию на предшествующее высказывание собеседника. Как правило, они выражают отрицательные эмоции говорящего: негодование, возмущение, угрозу и т.п. или сильное удивление. Характер выражаемых эмоций определяется коммуникативным контекстом и обычно легко понимается реципиентом.

- Я не чувствую себя способным сделать ее счастье. – Не твое горе – ее счастье. Что? так-то ты считаешь волю родительскую? Добро!

- Как вам угодно, я не хочу жениться и не женюсь. (А.С.Пушкин)

Наконец Игорь осмелился: - Дядя, это что у вас там едет, слон? - Это? – Нет. Крокодил. – Как, то есть, крокодил? – возмутился Игорь. – Что, я не знаю, какие крокодилы! (Л. Кассиль)

5) Частицы как и что в ряде контекстов имеют грамматическую функцию, способствуя выражению категории вопросительности. Прагматической функцией частиц в контекстах такого типа можно считать предупреждение о вопросе, который говорящий собирается задать собеседнику. По наблюдениям П. Рестана, частица что это

своего рода разговорная ли, т. к. функция обеих частиц совершенно одинакова (Рестан, с. 467).

- Студенты ставят, и очень интересно. – Что, прямо Стейнбека они поставили? - Да. (Русская разговорная речь: Тексты.)

б) Частица да в разговорной речи очень часто используется адресатом, чтобы показать внимание к получаемой информации, его заинтересованность в коммуникации.

- Очень не нравится Елена, очень не нравится эта Калинина. – Да? – Просто ужасно. Она такая деланная, такая манерная. (Русская разговорная речь: Тексты)

Адресант употребляет частицу да, чтобы утвердиться в мнении, что то, о чем он говорит, вызывает интерес, внимание собеседника.

- Так вот я тебе скажу, какие вот мои, например, личные впечатления. Ну, пьеса гениальная, да? Вот когда ты понимаешь ... (Русская разговорная речь: Тексты.)

2.6.4. Выводы.

Разговорные частицы что, как акцентируют вопросительную модальность как таковую, выражая вопросительный импульс. Следует отметить, что семантические и прагматические функции у частиц а, да, как, что близки и реализуются в разнообразных коммуникативных контекстах.

Вместе с тем, в разговорной речи эти частицы иногда употребляются очень часто, заполняют паузы между высказываниями адресанта, не выражая никаких значений.

Вячеслава Андреевича Иртеньева я застала на крылечке террасы. – Гм!.. Что? А? Виноват... Вы к кому? - Здравствуйте, Вячеслав Андреевич! – крикнула я. - А? Что? Хо-хо! Товарищ Серафима?..

Здравствуйтесь, дорогая, здравствуйтесь, моя милая. Гм, что?.. (Л. Кассиль)

Разговорные частицы активно употребляются в устной разговорной речи, в художественных текстах, но постепенно начинают проникать и в газеты.

... И вот мы на месте. «Вы что, так сразу и уедете?», «Возьмите меня с собой!», «Останьтесь у нас ночевать», - сразу и спрашивали, и просили дети. («Комс. правда»; из статьи о детском доме)

Основной сферой существования разговорных частиц безусловно является устная речь, имеющая ряд серьезных отличий от речи письменной. Полное описание функционирования вопросительных разговорных частиц может быть осуществлено в рамках особого подхода, требующего учета этих отличий. Огромная роль в понимании семантики частиц а, да, как, что принадлежит интонации.

ВЫВОДЫ

1. Проведенные наблюдения над контекстами вопросительных частиц *ли*, *или*, *не...ли*, *разве*, *неужели*, *что за* показали, что за каждой частицей или группой частиц закрепляется в языке (в речи) определенный коммуникативный контекст, в котором частица максимально проявляет свои свойства. Частицы, передавая различные субъективные отношения, определяют смысл коммуникативных контекстов, в которых они употребляются, т. е. «они суперсегментны по своей сути» (Николаева, 1985, с.15)

2. При употреблении в контекстах запроса информации частица передает отношение вопросительности в чистом виде, без модальных значений, что не характерно для частиц как класса слов, выражающих различные модальные отношения в тексте или части текста. Этим и можно объяснить возможность употребления в контекстах запроса информации только двух частиц: *ли* и *что за*. Обе частицы в этих значениях находятся на периферии частичного поля: частица *ли* приближается функционально к грамматической морфеме, а частица *что за* к вопросительному местоимению *какой*.

3. В ряде контекстов (эмоционального утверждения и эмоционального отрицания), характеризующихся распространенностью входящих в него конструкций, использованием экспрессивно-окрашенной лексики, образным словоупотреблением, частицы десемантизируются и могут довольно свободно заменять одна другую, т.е. контекст «подавляет» значение частицы.

4. Чем больше частица связана с контекстом, тем большее количество типов контекстов может быть выделено для данной частицы (ср. *ли* – 6; *разве*, *неужели* – 3) и тем выше абстрактность ее значения.

5. Создание типологии контекстов позволяет показать связь и соотношение семантики частиц с контекстом и представить свод контекстных употреблений рассматриваемых слов.

Для частиц или, ли, не...ли, неужели, разве, что за контексты их употребления представлены в кратком виде в таблице №2.

Таблица №2.

Тип контекста	Частицы	Комментарии
1.Альтернативный контекст	Или (- А земные желания в космосе остаются? Или все подавлено нагрузкой? – Все остается ... «АиФ»)	Частица всегда входит в состав неопределенно-вопросит. предложения после местоимен. или неместоимен. вопроса
2. Императивный контекст	Не...ли (- Не покажете ли вы чего-нибудь из моих сочинений будущему моему начальнику, чтоб дать понятие? И.А.Гончаров)	Частица входит в состав вопроса-побуждения, относится обычно к глаголу соверш.вида во 2-ом лице буд.времени
3. Контекст запроса информации	Ли, что за (- Тебя приглашают прочесть курс лекций. – А что за лекции? - ... О детективе... В.Платова)	Говорящий не имеет сведений для построения предполож., а адресат в своем ответе предоставляет необх. информ.
4. Контекст интереса	Ли (- Можно ли в связи с «Азазелем» говорить о вашем долгожданном «воссоединении» с	Говорящий заинтересован в получении широкой информации; контекст представлен в таком жанре

	Михалковым? – Не совсем ... «Комс. правда»)	публицистики, как интервью
5. Контекст негативно-го предположения	Или (- Дорогая моя, - сказал он, - зачем ты-то лезешь не в свою тарелку? – Дорогой мой, а меня что, это никак не должно задевать? Мы в разводе, что ли? Или ты приспособился плевать на мое мнение с высокой елки? Л.Беляева)	Адресат задает вопрос с частицей или, чтобы заставить собеседника поступить так, как он(адресант) считает нужным, поэтому адресат или должен подчиниться, или последовательно не соглашаться со своим собеседником
6. Контекст негативной реакции	Что за (- Подайте мне мой зонтик, - сказала Зинаида, - вишь я его куда бросила; да не смотрите на меня так... что за глупости? Вы не ушиблись? И.С.Тургенев)	Риторический вопрос с частицей выражает эмоц. реакцию говорящего, отражает негативное отношение говорящего к поступку, мыслям и т.п. собеседника
7. Контекст непонимания	Что за (Я спрашиваю: - Это что за весы? А мне говорят: - Становись, взвешивайся... В.Драгунский)	Адресанту не понятна экстралингв. ситуация, свидетелем которой он становится; предл. с ч. близко к вопр.«Что здесь происходит?»
8. Контекст несоот-	Разве, неужели (- Вам уже 60. Неужели так нужен опасный полет? - ...Я хочу	Контекст отраж. ситуацию, в которой некоторое положение вещей не

ветствия	осуществить мечту моей жизни. «Комс.пр.»)	соответствует представлениям говорящего (неужели) или противоречит им (разве); вопрос-реакция
9.Контекст поддержки контакта	Разве, неужели (<u>Глумова</u> . Какие сравнения находит! <u>Мамаева</u> . Неужели? <u>Глумова</u> . Да он вас где-нибудь прежде видал? А.Н.Островский)	Частицы употребляются изолированно, говорящий показывает внимание к получаемой информации, ответ не предполагается
10. Контекст предположения	Не...ли (- Сергей Борисович, не намерены ли вы баллотироваться на пост губернатора? – Говорить сейчас «да» или «нет» бессмысленно. «АиФ»)	Говорящий стремится получить подтверждение своему предположению, но понимает, что оно может не соответствовать действит.; говорящий показывает уважит. отношение к собеседнику
11. Контекст-размышл.	Ли (Стефан тут не присутствовал. Был ли он в Москве, в своем монастыре Богоявленском? Неизвестно. Б.Зайцев)	Контекст имеет монологическую форму; рефлексивный характер вопроса позволяет автору самому предложить на него ответ
12. Связанные	Ли, не...ли, что за (<u>Аркадина</u> . Оставайся-ка, старик, дома. Тебе ли с	Связанные контексты содержат конструкции разг. речи, в которых

контексты	твоим ревматизмом разъезжать по гостям? (А.П.Чехов)	черты собственно грамматические выступают в неразрывном единстве с чертами лекс.-фразеол.
13. Контекст сомнения	Ли (- ...Один ли ты Павел? – Один, один ...Н.С.Лесков)	Вопрос представлен в виде короткого высказывания, ли относится к непредикату, вопр. направлен на разрешение сомнения говорящего
14. Контекст эмоционального отрицания	Ли, разве, неужели (Карандышев. О людях судят по поступкам. Разве он хорошо поступил с вами? <u>Лариса</u> . Это уж мое дело. А.Н.Островский)	Происходит нейтрализация собственно вопросит. значения частицы; говорящий хочет показать, что прав объективно, чтобы собеседник признал его правоту
15. Контекст эмоц.утверждения	Не...ли, разве, неужели (...Но меня – не грех ли вам подозревать в такой гнусности? И.А.Гончаров)	Отрицательная форма передает положительный смысл. Вопрос представлен в виде развернутого высказывания

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В проведенном нами диссертационном исследовании были проанализированы теоретическая и практическая стороны общей проблемы «частицы и контекст» применительно к вопросительным частицам.

Создание типологии контекстов позволяет показать связь и соотношение семантики частиц с контекстом и представить свод контекстных употреблений рассматриваемых слов. При выделении контекстных типов один из факторов такого выделения может выступать на первый план. Так, характер предварительного, пресуппозитивного знания определяет специфику контекста предположения для частицы не...ли, контекста несоответствия ситуации представлению говорящего для частиц разве и неужели; передача эмоционального отношения - контексты эмоционального утверждения для частиц разве, неужели, не...ли; эмоционального отрицания для частиц ли, разве, неужели.

Набор признаков, выделенных для определения типов контекстов, относится только к группе вопросительных частиц; для других групп частиц могут быть релевантны другие наборы признаков, что будет определяться формальными и коммуникативными характеристиками включенных текстов.

Представляется, что настоящее исследование позволяет продолжить изучение частиц в двух направлениях.

Первое – это критерии, выделенные для определения группы вопросительных частиц, которые могут стать основой для выделения других групп частиц и создания в дальнейшем непротиворечивой классификации частиц.

Второе – это типология контекстов вопросительных частиц, созданная и оформленная нами, которая открывает перспективу создания свода употреблений для класса частиц в целом, что является важной задачей при их описании и изучении.

Представленная работа имеет и методическое значение: студенты-иностранцы испытывают большие трудности при усвоении дискурсивных слов русского языка. Возможности практического применения собранного материала отражены в одном из приложений (Приложение №2).

Приложение №1.

Функционально-семантические типы предложений с вопросительными частицами.

№	Функционально-семантические типы вопросов	Частицы					
		ли	не...ли	или	разве	неужели	что за
1	Собственно-вопросительные	+	-	-	-	-	+
2	Неопределённо-вопросительные	+	+	+	+	+	-
3	Констатирующие-вопросительные	-	-	-	-	-	-
1	Общевопросительные	+	+	+	+	+	+
2	Частновопросительные	+	+	+	+	+	+
1	Требующие ответа-подтверждения или отрицания	+	+	+	+	+	-
2	Требующие ответа (информации)	+	+	+	+	+	+
1	Экспрессивно-окрашенное утверждение	-	+	-	+	+	-
2	Экспрессивно-окрашенное отрицание	+	-	-	+	+	-
3	Вопрос-уяснение	+	-	-	-	-	-
4	Вопрос-побуждение	-	+	-	-	-	-
5	Эмоциональный вопрос	+	-	+	-	-	+
6	Вопрос, активизирующий внимание	-	-	-	-	-	-

Приложение №2.

Частицы разве и неужели: на урок.

Упражнение 1. Внимательно изучите таблицу. Проанализируйте употребление частиц разве и неужели. Обратите внимание на возможность замены экспрессивных предложений с разве и неужели на их нейтральные эквиваленты.

РАЗВЕ	НЕУЖЕЛИ
Вопросительное предложение	
1. Недоверие	1. Сомнение
-Давай купим цветы в магазине напротив. -Разве там продают цветы? (На магазине вывеска «Продукты») -Да. И недорого.	-Когда ты вернулся из Москвы? -Вчера в 8 часов. -Неужели поезд не опоздал? (Обычно поезд опаздывает на 2 часа). -Нет. В 9 я был уже дома.
2. Удивление	2. Удивление
-Когда ты вернешь мне словарь? -Разве я его тебе не вернул? (Я уверен в том, что вернул словарь.) -Нет. Посмотри дома. Ты, наверное, хотел отдать, но забыл.	-Когда ты вернешь мне словарь? -Неужели я тебе его не вернул? (Я думаю, что отдал, но мог и забыть). -Нет. -Извини, пожалуйста. Завтра принесу.
3. Неверие	3. Опасение.
- Я не верю Ольге. - Почему ты так говоришь? Разве она может обмануть? (логическое ударение падает на «может») - Ты всегда думаешь о людях слишком хорошо.	-Где ключи? Неужели я их потеряла? -Не торопись, посмотри в кармане. -Вот. Нашла.
3. Неуверенность в необходимости какого-либо действия (=может быть)	4. Упрек.
-Сегодня хорошая погода. Разве за город съездить? -Давай съездим. Можно поехать в Пушкин.	-Посмотри, у тебя все вещи разбросаны. Неужели ты не можешь навести в комнате порядок? -Мамочка, не сердись, я сейчас все уберу.
Экспрессивно выраженное отрицание	
-У тебя неприятности, а ты мне ничего не рассказываешь. Разве я тебе чужая? (= я тебе не чужая) Я хочу помочь. -Я знаю, но решение буду принимать сам.	- Это такой скучный фильм. Неужели он может кому-то понравиться? (=он не может никому понравиться) - Почему нет?
Экспрессивно выраженное утверждение	
-Разве не удивительно, что такой молодой музыкант получил первую премию?! (= удивительно) -Ничего удивительного. Он очень талантливый.	- Иди немедленно ужинать. - Я не хочу. - Почему? - Неужели я не могу решить ужинать мне или нет? (= Я могу решить)

Упражнение 2. Прочитайте. Определите значение, вносимое частицами *разве* и *неужели*. Замените, где возможно, предложения с частицами на их нейтральные эквиваленты.

А) 1. Серебряков (жене). Тебе же первой я противен. Конечно, ты права. Я не глуп и понимаю. Ты молода, здорова, красива, жить хочешь, а я старик, почти труп. Что ж? Разве я не понимаю? И, конечно, глупо, что я до сих пор жив. (А. П., Чехов) 2. – Вы, отец Евангел, не говорите, пожалуйста... Я вас принял за тетушку, Катерину Астафьевну... Это меня ваш подрясник ввел в заблуждение: мне показалось, что это тетушкино платье. – А у нее разве есть такое платье? – Кажется... - Нет, у вашей тетушки такого платья нет. – А вы разве знаете? – Разумеется, знаю: у нее серое летнее, коричневое и черное. (Н. С. Лесков) 3. Елена Андреевна. Мне уже говорили, что вы очень любите леса. Конечно, можно принести большую пользу, но разве это не мешает вашему настоящему призванию? Ведь вы доктор. Астров. Одному Богу известно, в чем наше настоящее призвание. (А.П. Чехов) 4. Мы пошли вниз по тропинке. Камни вдруг посыпались за нами: это Ася нас догоняла. – Ты разве не спишь? – спросил ее брат, но она, не ответив ему ни слова, пробежала мимо. (И. С. Тургенев) 5. – Я, господа, признаюсь, поднимая вопрос о первой любви, надеялся на вас, не скажу старых, но и не молодых холостяков. Разве вы нас чем-нибудь потешите, Владимир Петрович? – Моя первая любовь принадлежит действительно к числу не совсем обыкновенных, - ответил Владимир Петрович. (И. С. Тургенев) 6. – Я заплачу. Есть и пить, правда, необходимо. Дайте нам то, что есть. – Разве берут деньги в таком положении? – обиженно возразил охотник. – Чего там! Ешьте, пейте, отдыхайте – я всегда рад услужить, чем могу. (А. Грин)

Б) 1. – А скажите-ка мне, - спросил я Гагина: дело между нами пошло на откровенность, - неужели в самом деле ей до сих пор никто не нравился? В Петербурге видала же она молодых людей? – Они-то ей и не нравились вовсе. (И. С. Тургенев) 2. Серебряков. ...Ну, допустим, я противен, я эгоист, я деспот, но неужели я даже в старости не имею некоторого права на эгоизм? Неужели я не заслужил? Неужели же, я спрашиваю, я не имею права на покойную старость, на внимание к себе людей? Елена Андреевна. Никто не оспаривает у тебя твоих прав. (А. П. Чехов) 3. - ... Кстати, сообщаю вам, что у Тани совершенно другая фамилия, а Томилина – это псевдоним. – Что вы говорите? – удивленно воскликнул Дорогань. – Неужели псевдоним? Я и не подозревал. (А. Маринина) 4. Аркадина. ... Поедешь? Да? Ты меня не покинешь? Тригорин. У меня нет своей воли... У меня никогда не было своей воли... Вялый, рыхлый, всегда покорный – неужели это может нравиться женщине? Бери меня, увози... (А. П. Чехов) 5. – Вы рады, что наши отношения стали простыми? – сказала, помолчав, Джой. – Этот вопрос исчерпан, я полагаю, - осторожно ответил Кольбер. – Я дал слово. Впрочем, если... - Нет, - перебила Джой, - я уже запретила вам, и вы дали слово. Неужели вы хотите нарушить обещание? – Скорее я умру, - серьезно возразил Кольбер, - чем нарушу обещание, которое я дал вам. (А. Грин) 6. Ирочкины знаменитые пирожки были, как всегда, отменными, но жара начисто лишила Настю аппетита. – Неужели не вкусно? – огорченно спросила Ира. – Не получились? - Получились. Просто сил нет жевать, - объяснила Настя. (А. Маринина)

Упражнение 3. Прочитайте диалоги, вставьте в них частицы разве или неужели, объясните, как изменился смысл высказывания. В каких предложениях можно употребить обе частицы?

1. – Какие видеофильмы ты купил Андрею в подарок? – Я тебе еще не показал? – Нет. – Извини. Вот, «Незнайка на Луне» и «Волшебник изумрудного города».
2. – Катя чудно играет на пианино. – А ты знаешь, что она самоучка? – Правда? Никогда бы не подумал, что можно по слуху так играть.
3. – Дима заболел. У него высокая температура. Завтра вызову врача. – Ты не могла вызвать врача сегодня? Он весь горит.
4. – Мне очень нравятся книги Л. А. Тихомирова. – Вы их читали? – Конечно, я интересуюсь русской философией.
5. – Мне пора на электричку. – Вы не ездите на машине? – Я не умею.
6. – У нас весь вечер свободный. В кино сходим? – Жарко. Давай лучше в Летнем саду погуляем.
7. – Вечером по телевизору будет двухсерийный французский фильм. – Какой? – «Возвращайся в Париж». – Он двухсерийный? – Да. – Вот не знал.

Упражнение 4. Передайте смысл следующих предложений, употребляя частицы разве и неужели.

Образец. Нельзя так работать! Разве можно так работать?!
Неужели можно так работать?!

1. Он не любит Россию. 2. У меня нет выхода из этого положения. 3. Мой муж не умеет готовить. 4. Можно было придумать что-либо попроще. 5. Песни Патрисии Каас не могут не нравиться.

Упражнение 5. Придумайте вопросы, которые можно задать в описанной ниже ситуации, используйте частицы разве и неужели.

1. Вам сказали, что Юра работает в университете, а вы думали, что он работает в школе.
2. Вы собираетесь уехать в отпуск, но

еще не купили билеты на самолет. Вы опасаетесь, что не сможете достать билеты. 3. Ваш брат сказал, что он выступает на концерте во вторник, но ваш друг утверждает, что концерт состоится в среду. 4. Ваш друг купил новую машину. Вы думали, что он купил «Волгу», а он сказал, что купил «Мерседес». 5. Вы пришли с работы, а ваша дочка не вымыла посуду. 6. Вам очень нравится музыка Чайковского. Вы не понимаете, как она может кому-то не нравиться. 7. У вас и вашего друга много свободного времени. Вы предлагаете ему съездить за город.

Упражнение 6. Опишите ситуацию, в которой можно задать следующие вопросы.

1. Неужели прошло уже сорок минут? 2. Разве ты не знаешь, что Эрмитаж находится в Петербурге? 3. Неужели тебе не стыдно? 4. Разве новый костюм надеть? 5. Неужели нам не откроют визу? 6. Разве я на выставках никогда не бываю? 7. Разве она сможет быть начальником?

Упражнение 7. Составьте минидialogи, используйте в них частицы разве и неужели.

Упражнение 8. Закончите предложения.

1. Разве это парк? А я думал... 2. Лекция через десять минут, неужели мы... 3. Ты опять получил двойку. Неужели ... 4. Денег совсем нет. Разве ... 5. Помнишь? Тогда еще тебя Гусев пригласил на премьеру? Неужели ... 6. Статью написал Волгин, но разве... 7. Разве хорошо, что ... 8. Я понимаю, что твой муж очень занят, но неужели...

Ключи.

2. А. 1. Экспрессивное утверждение (= я понимаю) 2. Неверие. Сомнение. 3. Экспрессивное утверждение (= это мешает вашему настоящему призванию) 4. Удивление. 5. Может быть. 6.

Экспрессивное отрицание (= деньги в таком положении не берут). Б.
 1. Недоверие. 2. Экспрессивное утверждение (= я не заслужил, я
 имею право на спокойную старость). 3. Удивление. 4.
 Эмоциональное отрицание (= это не может нравиться женщинам). 5.
 Упрек. 6. Опасение.

3. 1. Разве я тебе еще не показал? (Я уверен, что показал) Неужели я
 тебе еще не показал? (Я думал, что показал, но, наверное, забыл.) 2.
 Неужели правда? (Удивление) 3. Разве ты не могла вызвать врача
 сегодня? (Удивление) Неужели ты не могла вызвать врача сегодня?
 (Упрек) 4. Неужели вы их читали? (Удивление. Сомнение.) Разве вы
 их читали? (Недоверие) 5. Разве вы не ездите на машине?
 (Удивление) 6. Разве в кино сходим? (Может быть) 7. Разве он
 двухсерийный? (Недоверие)

4. 1. Неужели он любит Россию?! Разве он любит Россию?! 2. Разве у
 меня есть выход?! Неужели у меня есть выход?! 3. мой муж умеет
 готовить?! Неужели мой муж умеет готовить?! 4. Неужели нельзя
 было придумать что-либо попроще?! Разве нельзя было придумать
 что-либо попроще?! 5. Разве могут песни Патрисии Каас не
 нравиться?! Неужели могут песни Патрисии Каас не нравиться?!

5. 1. Разве Юра работает не в школе?! Неужели Юра работает в
 университете? 2. Неужели мы не купим билеты? 3. Разве он
 выступает в среду? 4. Неужели ты купил «Мерседес»? 5. Неужели ты
 не могла вымыть посуду? 6. Разве может не нравиться музыка
 Чайковского? Неужели может не нравиться музыка Чайковского?

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. - М.: Просвещение, 1966.- 301 с.
2. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. - М.: Наука, 1974. – 367 с.
3. Апресян Ю. Д. О языке толкований и семантических примитивах. // Известия АН СССР Серия литература и язык.- Т.53. 1994. №4. - С.27-41.
4. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике и словаре. - М.: Дрофа, 2000.- 640 с.
5. Бакова Е. Н. Особенности функционирования чешских и русских частиц (сопоставительный аспект): Автореф.дис. ... канд. филол. наук. СПб, 1996. – 16 с.
6. Баранов А. Н., Кобозева И. М. Модальные частицы в ответах на вопрос // Прагматика и проблемы интенциональности. - М., 1988. - С. 45-69.
7. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. - М., 1993. – 230 с.
8. Бахарев А. И. Семантический потенциал сочетаний с частицей не // Актуальные проблемы лингвистики в вузе и в школе.- Пенза, 1999. - С. 96-97
9. Белошапкина В. А. Современный русский язык. Синтаксис. - М.: Высшая школа, 1977. – 248 с.
10. Белошапкина В. А., Степанова Е. Р. Равнозначны ли разве и неужели? // Русская речь. - 1983. №5. – С. 12-13.

11. Богданов С. И. Морфология неполнозначных слов в современном русском языке. – СПб: Издательство С.-Петербургского университета, 1997. – 140 с.
12. Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц.- М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 460 с.
13. Болотова Г. Н. Некоторые проблемы перевода частицы ведь на немецкий язык // Актуальные проблемы лингвистики в вузе и в школе. - Пенза, 1999. - С. 37-38
14. Бондарко А. В. К теории функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. - М.: Наука, 1985. - С. 16-30.
15. Борисова Е. Г. Семантический анализ усилительных частиц русского языка: Автореф.дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.- 20 с.
16. Борисова Е. Г. Усилительные частицы в предложениях с императивом // Императив в разноструктурных языках. – Л., 1988. – С.28-29.
17. Борисова Е. Г. Отражение коммуникативной организации высказывания в лексическом значении // Вопросы языкознания. – 1990. №2. - С.113-120.
18. Борисова Е. Г. Принципы описания служебных слов // Вестник МГУ. Сер.9. Филология. – 1999. №2. - С.71-85.
19. Буглак С. И. Модальные слова и частицы в разных по целенаправленности типах простого предложения русского языка: Автореф.дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987.- 16 с.
20. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. О семантике частиц разве и неужели // НТИ Сер. 2. – 1987. –№10. – С. 24-30.

21. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Особые типы общевопросительных предложений // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. - М., 1992. – С. 110-127.
22. Визгина А. М. Модальность неместоименных общевопросительных предложений в диалогической речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. – 18 с.
23. Визгина Е. В. Частицы, в состав которых входит компонент что. // Актуальные проблемы языкознания. - 1998. - Вып.2. - С.93-96.
24. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. - 2-е изд. М.: Высшая школа, 1972.- 520 с.
25. Вязовик Т. П. Конструкции с местоимениями, включающими частицу вот в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981. – 16 с.
26. Гальперин И. Р. Относительно употребления терминов «значение», «смысл», «содержание» в лингвистических работах // Филологические науки. - 1982.№5. - С.34-43.
27. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык: Учебник – М.: Просвещение, 1973. – Т.2. – 349 с.
28. Голубева-Монаткина Н. И. Классификационное исследование вопросов и ответов диалогической речи // Вопросы языкознания. – 1991. №1. - С. 125-134.
29. Греч Н. И. Практическая русская грамматика. – СПб., 1834.
30. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстуально-семантического описания. - М., 1998. – 320 с.
31. Дорошенко М. Н. Функциональное значение и дистрибуция усилительных частиц (на материале русского и

- белорусского языков): Автореф.дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1975. – 17 с.
32. Жевако Г. А. К вопросу разграничения производных частиц и их этимологов в лексикографической литературе // Неоднозначные слова. – Ставрополь, 1977. – Вып. 2. – С. 64-73.
33. Земская Е.А. Русская разговорная речь: Лингвистический анализ и проблемы обучения. - М.: Просвещение, 1987. – 323 с.
34. Иванова О. Е. Контекст: слово в языке и в словаре // Русская речь. - 1994. №3. - С.39-43.
35. Иванова Т. К. Функции частиц вот и только в современном русском языке: Автореф.дис. ... канд. филол. наук. Благовещенск, 1970. – 18 с.
36. Исиченко А. П. Полифункциональность модальных слов и контекст // Вестник Киевского университета. Романо-германская филология. - 1982. - Вып. 16. С.59-61.
37. Калинина А. А. Структурные и семантические свойства синкретичных предложений, выделяемых по цели высказывания: Автореф.дис. ... канд. филол. наук. М., 1988.- 20 с.
38. Калинина А. А. Риторический вопрос среди различных типов предложений // Русский язык в школе. – 1986. №4. - С. 97-101.
39. Калинина А. А. Соотношение утверждения/отрицания в структуре вопросительных предложений с несобственно-вопросительным значением // Семантика языковых единиц. Доклады 4-й международной конференции. - Ч.III. М., 1994. - С.99-102

40. Ким О. М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке. - Ташкент, 1978.- 157 с.
41. Киселев И. А. Указательные частицы в современном русском и белорусском языках: Автореф.дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1966. – 17 с.
42. Киселев И. А. Частицы в современных восточно-славянских языках. - Минск, 1976. – 123 с.
43. Киселев И. А. К вопросу о характере и уровнях лексической знаменательности и синтаксической значимости частиц // Семантика языковых единиц. - Минск, 1984. – С.36-38.
44. Клобуков Е. В. Типы фатических ситуаций // Актуальные проблемы современной русистики: Диахрония и синхрония. Вопросы русского языкознания. - 1996. - Вып.6. - С.185-207.
45. Кобозева И. М. Модальные слова и частицы в предложениях побудительного наклонения // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность» - Л., 1988. - С.64.
46. Кобозева И. М. Проблемы описания частиц в исследованиях 80-х гг. // Прагматика и семантика. Сборник научно-аналитических обзоров. - М.: Наука, 1991. - С.147-173.
47. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. – М., 2000. – 324 с.
48. Ковалев Ю. В. Средства выражения коммуникативно-модальных значений общего вопроса в русском языке // Коммуникативно-синтаксический и стилистический аспекты анализа текста. - М., 1980. - С. 52-65.

49. Козырева Н. В. Семантика высказываний с частицами и контекст // Вопросы семантики и стилистики. – Уфа. 1985. - С.84-90.
50. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. - М.: Высшая школа, 1980. – 152 с.
51. Копыленко И. М. Краткая история и задачи изучения частиц // Проблемы теории и методики преподавания иностранных языков и литературоведения. - Алма-Ата, 1978. - С.66-78.
52. Копыленко И. М. О своеобразии семантики частиц // Семантика языковых единиц: Доклады 3-й международной конференции. - Ч. II. М., 1993. - С.137-140.
53. Копыленко И. М. Явление пресуппозиции и частицы // Семантика и уровни ее реализации. - Краснодар, 1994. - С.43-47
54. Копышева Л. В. К вопросу о функциональной классификации частиц в современном русском языке // Вопросы прикладной лингвистики. - Днепропетровск, 1974. - Вып.5. - С.138-142.
55. Крейдлин Г. Е. Лексема даже // Семиотика и информатика. – 1975. - №6. – 78-86.
56. Крейдлин Г. Е. Служебные слова в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979. – 20 с.
57. Крейдлин Г. Е., Рахилина Е. В. Семантический анализ вопросно-ответных структур со словом какой // Известия ОЛЯ. – 1984. - №5. – С. 457-470.
58. Крейдлин Г. Е., Поливанова А. К. О лексикографическом описании служебных слов русского языка // Вопросы языкознания. – 1987. №1. - С.106-120.

59. Крейдлин Г. Е., Фрид Н. Е. Вслух про себе (семантический и синтаксический анализ одной русской частицы) // Лингвистика на рубеже эпох. Идеи и топосы. - М., 2001. - С. 46-67.
60. Кривоносов А. Т. Система неизменяемых классов слов. - Саратов, 1974. - 123 с.
61. О семантической природе модальных частиц // Филологические науки. - 1982. - №5. - С.50-59.
62. Куликова Н. П., Голякова Л. А. Текст – контекст – подтекст // Проблемы языка и литературы: методология, теория, история. - Пермь, 1998. - С. 102-103.
63. Леденев Ю. И. Вопросы изучения неполнозначных слов: Материалы для словаря неполнозначных слов и их омонимов.- Ставрополь, 1966. - 87 с.
64. Леденев Ю. И. Неполнозначные слова как объект лингвистики и методики // Теоретические и практические аспекты изучения неполнозначных слов. - Ставрополь, 1990. - С.3-4
65. Лобанова Н. А. Вопросительные и отрицательные предложения в русском языке. - М.: Высшая школа, 1971. - 89 с.
66. Ляпина С. В. К вопросу изучения русских частиц в иноязычной аудитории // Структурно-семантические исследования русского языка. - Воронеж, 1994.- С. 14-17.
67. Макарова Н. П. О некоторых иллокутивных функциях неместоименного вопроса // Предложение: структура и семантика. - М., 1984. - С. 73-81.

68. Марусенко Н. М. Специфика семантики служебных единиц. Прагматические функции частиц в высказывании: Автореф.дис. ... канд. филол. наук. СПб, 1997. – 16 с.
69. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. - М.: Высшая школа, 1975. – 298 с.
70. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. - М.-Л., 1945.
71. Минченков А. Г. Дискурсная частица: анализ переводческих соответствий в английском и русском языках: Автореф.дис. ... канд. филол. наук. СПб, 1999. – 17 с.
72. Мирович А. Основные функции частиц в современном русском языке // Лексикографический сборник. - М., 1962. - Вып.5. – С. 18-26.
73. Моисеев А. И. Частицы уже и еще в современном русском языке. // *Slavia orientalis*. - 1978. – XXVII. - С. 357-360
74. Моисеев А. И. Богатство языка и культура речи. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1995. – 46 с.
75. Мухаммед Абдель-Азиз Мухаммед Али Отграничение междометий от частиц. // Русский язык в школе. – 1974. - №1. – с. 37-39.
76. Мыркин В. Я. Типы контекстов. Коммуникативный контекст // Филологические науки. – 1978. - №1. - С.95-99.
77. Неверова Н. В. Служебные слова как диагностирующие показатели стилей современного русского литературного языка: Автореф.дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1973. – 17 с.
78. Николаева Т. М. Контекстуально-конситуативная обусловленность высказывания и его семантическая цельность (к вопросу о функциях русских частиц). // Русский язык: текст

- как целое и компоненты текста: Виноградовские чтения, XI. - М., 1982. - С.46-63.
79. Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании. - М.: Наука, 1985. – 135 с.
80. Откупщикова М. И. Местоименные слова в новом академическом словаре // Очередные задачи русской академической лексикографии. - СПб, 1995. - С. 130-139.
81. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. - 6-е изд. М., 1956.
82. Плунгян В. А. О работах группы формальной лингвистики Парижского университета // Вопросы языкознания. – 1988. - №5. - С.133-139.
83. Попов А. Оборот что за и сродные с ним. // Филологические записки. Воронеж, 1879. - Вып.2. - С.1-12.
84. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. - М., I-II, 1958.
85. Пруссова О. В. Слова-предложения в современном немецком языке: Автореф.дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2001. – 17 с.
86. Распопов И. П. К вопросу о частицах в современном русском языке // Русский язык в школе. – 1955. - №6. – С. 17-19.
87. Распопов И. П. О вопросительных частицах в современном русском языке // Труды Благовещенского государственного педагогического института. - Благовещенск, 1955. -Т.6. - С. 28-41.
88. Рестан П. Синтаксис вопросительного предложения. - Осло, 1971. – 756 с.

89. Рогожникова Р. П. Служебные слова и принципы их лексикографического описания: Автореф.дис. ... докт. филол. наук. М., 1974. – 18с.
90. Рогожникова Р. П. Современное развитие эквивалентов слова // Материалы межвузовской конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора Г. П. Уханова. - Тверь, 1998. - С. 130-137
91. Русская грамматика. - М.: Наука, т. I-II, 1980.
92. Русская разговорная речь: Тексты. - М.: Наука, 1978. – 308 с.
93. Русский язык конца XX столетия (1985-1995): Сб. науч. тр./ Институт русского языка Российской академии наук / Отв. ред. Е. А. Земская. – 2-е изд. - М.: Языки русской культуры, 2000. – 480 с.
94. Рылов Ю. А. Частицы и контекст // Функционирование языковых единиц в контексте. - Воронеж, 1978. - С.10-16.
95. Сахарный Л. В. «Контекстное» и «неконтекстное» в восприятии лексико-семантической стороны слова // Смысловое восприятие речевого сообщения. - М.: Наука, 1976. – 85-91.
96. Светлышев Д. С. К вопросу о функциях частиц, выражающих эмоциональные оттенки речи // Ученые записки Ивановского пединститута. – Иваново, 1958. – С. 46-54.
97. Светлышев Д. С. Краткие замечания о классификации частиц в современном русском языке // Сб. науч. тр. Московского института иностранных языков. – 1974. – Вып. 78. – С. 186-188.
98. Святогор И. П. Вопросительные частицы в составе вопросительных предложений. // Актуальные вопросы лексики

- и грамматики современного русского языка. - Тула, 1976. - С.58-67.
99. Скрипникова Н. Н. О специфике изучения омонимичных знаменательных и служебных слов в иноязычной аудитории // Структурно-семантические исследования русского языка. - Воронеж, 1994. - С.139-142.
100. Скрипникова Н. Н. Служебная единица и то и ее функциональные эквиваленты в современном русском языке: Автореф.дис. ... канд. филол. наук. Л., 1974. – 17 с.
101. Современный русский язык: Учебник / Отв. Ред. Д.Э.Розенталь. – М.: Высшая школа, 2-е изд., 1984. – 736 с.
102. Стародумова Е. А. Акцентирующие частицы в современном русском литературном языке: Автореф.дис. ... канд. филол. наук. Л., 1974. – 17 с.
103. Стародумова Е. А. Характер синтаксичности частиц // Функциональный анализ единиц морфолого-синтаксического уровня. – Иркутск, 1980. – С. 20-26.
104. Стародумова Е. А. Частицы в минимальном и максимальном контексте. // Теоретические и практические аспекты изучения неполнозначных слов. - Ставрополь, 1990. - С.83-84.
105. Степанова Е. Б. Семантика и употребление косвенных вопросов с лексемой «ли» // Актуальные проблемы современной русистики: Диахрония и синхрония. Вопросы русского языкознания. - М., 1996. - Вып.6. - С.151-184.
106. Степенкова Л. И. Частицы предположительности // Русский язык. Теория и методика преподавания. - Душанбе, 1974. – С. 70-74.

107. Степенкова Л. И. модальном значении «что ли» в современном русском языке // Языкознание и методика преподавания лингвистических дисциплин. – Душанбе, 1976. – С. 74-81.
108. Субъективно-модальные частицы в современном русском литературном языке: Автореф.дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1982. – 16 с.
109. Стернин И. А. Системное значение как обобщение контекстуального употребления слова. // Функционирование языковых единиц в контексте. - Воронеж. 1978. - С.16-19.
110. Филиппова С. И. Семантизация неполнозначных слов // Семантика языковых единиц: Материалы 3-й международной конференции. - Ч. II. - М., 1993. - С. 167-171.
111. Федорова Л. В. Отрицание в вопросительном предложении // Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной 60-летию университета.- Пенза, 1999. - С. 73-74.
112. Фоменко И. В. Служебные слова как возможность реконструкции авторского мироощущения // Новое литературное обозрение. - 1994. - №8. - С. 73-77.
113. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. - М., т.1, 1956.
114. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. - Л., 1941.
115. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. - М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 380 с.
116. Шведова Н. Ю. Типы контекстов, конструирующих многоаспектное описание слова. // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста: Виноградовские чтения XI. - М., 1982. - С.142-154.

117. Шевченко О. Л. О роли контекста в интерпретации высказывания // Вестник Киевского университета. Романо-германская филология. - 1988. - №22. - С. 67-70.
118. Шибанова А. Е. История изучения частиц в русской грамматической традиции. // Ученые записки МОПИ. - 1970. - Т.295. Вып.18. - С.204-215.
119. Шибанова А. Е. О семантике и функциях частиц. // Ученые записки МОПИ. - 1970. - Т.332. - С. 110-121.
120. Штайн К. Э. Семантика и синтаксические функции субъективно-модальных частиц. /На материале одного тематического ряда/ : Автореф.дис. ... канд. филол. наук. М., 1977. – 17 с.
121. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. - М., 1957. - С.63-85.
122. Щербань Г. Е. Модальная частица ну как средство оформления вопроса // Вестник ЛГУ. Сер.2. - 1991. - Вып.4. - С.108-111
123. Щербань Г. Е. Частица ну как актуализатор субъективно-модальных и иллокутивных значений в диалоге: Автореф.дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1994. – 16 с.
124. Щур М. Г. Частицы в толковых словарях русского языка // Словарные категории. – М., 1988. – С.83-87.
125. Щур М. Г. Коммуникативная организация высказывания с частицей только // Филологические науки. – 1988. - №1. – С. 24-28.
126. Щур М. Г. Словарное представление русских частиц, их классы и функционирование: Автореф.дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. – 16 с.

127. Яцюк Т. А. К вопросу о классификации частиц // Сборник научных трудов Ташкентского университета. – 1978. - №549. - С.57-61.
128. Яцюк Т. А. Синонимические перефразировки как способ описания семантики частиц. // Филологические науки. - 1985. - №1. - С.49-53.
129. Lindstrom L. Вопросительные конструкции русского языка как средство выражения косвенных речевых актов и важность овладения ими для формирования коммуникативной компетенции шведских студентов, изучающих русский язык на начальном и продвинутом этапе // Виноградовские чтения. Прагматические аспекты грамматической и лексической семантики: Тезисы докладов 2. 02. 2000. - М., 2000. - С. 47-48.
130. Rathmayr R. Die Russischen Partikeln als Pragmalexeme. Munchen, 1985. – 285 p.

Список словарей

1. Засорина Л. Н. Частотный словарь русского языка. М., 1977.
2. Квеселевич Д. И., Сасина В. П. Русско-английский словарь междометий. М., 2001.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. (ЛЭС)
4. Обратный словарь русского языка. М., 1974.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1960. (СО)
6. Рогожникова Р. П. Словарь сочетаний, эквивалентных слову. М., 1983.
7. Словарь русского языка: В 4 т. М., 1957-1961. (СРЯ)
8. Словарь современного русского литературного языка: В 18 т. М.; Л., 1948-1964. (ССРЛЯ)
9. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова: В 4 т. М., 1996. (СУ)
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964-1973.
11. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1978.
12. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. М., 1984.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ.

1. Гончаров И. А. Обыкновенная история. М., 1989.
2. Грин А. Избранное. М., 1973.
3. Драгунский В. Денискины рассказы. М., 1985.
4. Зайцев Б. К. Избранное. Сретенский монастырь. 1998.
5. Кассиль Л. Великое противостояние. Киев, 1985.
6. Лесков Н. С. На ножах. М., 1994.
7. Маринина А. Я умер вчера. М., 2000.
8. Маринина А. Когда боги смеются. М., 2001.
9. Найденов С. А. Дети Ванюшина. // Русская драматургия начала XX века. М., 1989.
10. Островский А. Н. Пьесы. М., 1986.
11. Пушкин А. С. Капитанская дочка. // Собрание сочинений: В 10 т.Т.4. М., 1978.
12. Пушкин А. С. Повести Белкина. // Собрание сочинений: В 10 т.Т.4. М., 1978.
13. Толстая Т. Река Оккервиль. М., 2000.
14. Толстой Л. Н. Живой труп. // Русская драматургия начала XX века. М., 1989.
15. Тургенев И. С. Первая любовь. М., 1984.
16. Чехов А. П. Три сестры. // Русская драматургия начала XX века. М., 1989.
17. Чехов А. П. Чайка. // Русская драматургия начала XX века. М., 1989.